

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

**ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК**

Руководитель Центра – член-корреспондент РАН Н.И.Лапин
Тел/факс: 203-06-34. E-mail: lapin@iph.ras.ru

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПУТИ:
СОВМЕЩЕНИЕ РАЗНОРОДНОГО,
АСИММЕТРИЧНЫЙ РОСТ**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

*по результатам пяти волн всероссийского мониторинга
«Наши ценности и интересы сегодня»: 1990-1994-1998-2002-2006 гг.*

*Подготовлен при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда*

Москва – 2007 г.

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ Института философии РАН провел летом 2006 г. пятый всероссийский опрос «Наши ценности и интересы сегодня». Репрезентативная выборка включила районы и населенные пункты в 36 субъектах РФ из всех 7 федеральных округов. На ее основе получены 1200 полторачасовых интервью (свыше 100 вопросов). Интервью проводились в доверительной обстановке, по месту жительства респондентов (на дому). Вероятность статистической ошибки - не более 3%.

Особенности данного исследования:

- √ Исследование началось еще в РСФСР (1990 г.) и продолжается по той же программе; это позволяет сопоставлять данные о современной России с ее советским периодом.
- √ Мониторинг: проводится каждые четыре года (1990, 1994, 1998, 2002, 2006), позволяет строить динамические ряды, обнаруживать тенденции и обосновывать прогнозы.
- √ Комплексность: охватывает социально-политический и экономический контекст жизни; базовые ценности и нормы поведения населения; его труд, доходы, повседневные интересы, оценки своего настоящего и ближайшего будущего.
- √ По результатам предыдущих этапов исследования опубликованы пять монографий, десятки статей.

Вашему вниманию предлагаются важнейшие результаты всех опросов, в особенности последнего. Социологи, 16 лет проводящие этот мониторинг, делятся полученной информацией по следующим темам:

- **Тревожный диагноз** состояния российского общества
- Стабильность российской бедности?
- Консервация контрастных компонентов социальной структуры
- Масштабы и причины трудовой мобильности
- Жилище и земля как пространство приватной жизнедеятельности
- Рост оптимизма при незащищенности от главных опасностей
- Контрасты доверия институтам власти
- Совмещение культурно различных типов ценностей
- Плюрализм ценностных позиций
- Дрейф ценностей между мотивационными осями
- Федеральные округа в ценностном пространстве России
- Межнациональная толерантность или ксенофобия?
- **Выводы:** проблемы становления современных качеств российского общества

АВТОРЫ ДОКЛАДА:

- ▶ **Лапин Николай Иванович:** руководитель мониторинга, Центра изучения социокультурных изменений ИФРАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор (предисловие, разделы 2 и 3, выводы).
- ▶ **Беляева Людмила Александровна:** ведущий научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений ИФРАН, доктор социологических наук (раздел 1).

БЛАГОДАРНОСТИ

- √ **Участникам разработки программы мониторинга:** докторам наук А.Г.Здравомыслову, П.М.Козыревой, В.А.Ядову; кандидатам наук В.П.Горяинову, Г.М.Денисовскому, В.Ю.Копыловой, Н.Ф.Наумовой.
- √ **Институту сравнительных социальных исследований** (директор В.Г.Андреенков), осуществившему интервью и первичную обработку данных.
- √ **Российскому гуманитарному научному Фонду**, который предоставил финансовую поддержку полевого исследования.

Содержание

<i>ПРЕДИСЛОВИЕ. Российский социетальный диагноз: 2006/2007</i>	4
Основные факты и проблемы (резюме)	5
Раздел 1. МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	10
1. Динамика материального расслоения в 1990 – 2006 гг.	11
2. Социальная стратификация (по результатам кластерного анализа)	20
3. Средний класс – реальность в современной России	24
4. Трудовая мотивация и мобильность занятого населения	34
5. Жилище и земля как пространство приватной жизнедеятельности россиян	42
Раздел 2. АСИММЕТРИЧНОЕ ПОВЫШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ	52
1. Противоречивость предпосылок самочувствия россиян	52
2. Повышение социального оптимизма	54
3. Сохранение незащищенности от главных опасностей	56
4. Понижение интенсивности общения	59
5. Контрасты доверия институтам власти	62
Раздел 3. СОВМЕЩЕНИЕ И ДРЕЙФ ЦЕННОСТНЫХ ВЕКТОРОВ	68
1. Совмещение культурно различных типов ценностей	68
2. Плюрализм ценностных позиций	73
3. Дрейф ценностей между мотивационными осями	76
4. Макрорегионы в ценностно-мотивационном пространстве России	78
5. Уровень толерантности в межнациональных отношениях	84
ВЫВОДЫ.	
Проблемы становления новых качеств российского общества	87

ПРЕДИСЛОВИЕ.
Российский социетальный диагноз: 2006/2007

Накануне избирательного марафона 2007/2008 гг. полезно трезво оценить состояние российского общества. Трезво – значит без властных или иных партийных пристрастий, объективно, комплексно, в динамике. Именно этих позиций придерживаются авторы настоящего доклада.

Мы провели 5 опросов россиян на тему «Наши ценности и интересы сегодня». Первый опрос состоялся летом 1990 г. Тогда мы обнаружили, что вероятность социальной катастрофы (распада СССР), по мнению жителей РСФСР, составляет 31%. Мы опубликовали этот результат, но он остался незамеченным СМИ и политическими структурами. Четвертый опрос (2002 г.) показал, что кризис-хаос российского общества остался позади, началась стабилизация. Тогда немало наших коллег высказали сомнения в излишнем оптимизме такого диагноза. Сейчас он стал банальной констатацией.

Перед нами горы статистических данных и их первичных описаний по результатам последнего опроса, состоявшегося летом 2006 г. Выясняется, что их анализ и получение диагноза состояния и тенденций нашего общества на нынешнем этапе его трансформации – *социетального диагноза!* - задача, не менее сложная, чем в 1990 г. С одной стороны, вроде бы все ясно: продолжается стабилизация, значит, можно спокойно пролонгировать позитивные тенденции последнего времени. А с другой стороны, мы получили немало неожиданных результатов, которые не укладываются в спокойное русло. Имеем ли мы дело с обычными издержками роста или российское общество вновь приближается к области бифуркаций, в которой слабые воздействия могут вызывать неожиданно сильные последствия?

Надо подготовиться не только к простому, очевидному, но и к сложному варианту предстоящих изменений. Именно такому варианту отвечает наш **тревожный диагноз**:

- в российском обществе закрепляется совместное воспроизводство контрастно разнородных его компонентов;
- оно дополняется разбалансированным, асимметричным ростом одних компонентов за счет консервации состояния других, не менее важных компонентов.

Если этот диагноз вновь останется без внимания СМИ и политических структур, а общество и далее станет эволюционировать прежним путем, то последствия уже вскоре будут тяжелыми не менее чем для трети населения, а затем в полном объеме вырастут угрозы безопасности всей стране с мало ожидаемых направлений.

Март 2007 г.

Член-корреспондент РАН Лапин Н.И.

ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ И ПРОБЛЕМЫ (РЕЗЮМЕ)

Российское общество движется по пути стабилизации. Закрепляются как позитивные структуры и процессы, так и негативные. А сама социальная система обретает жесткость. Обостряется потребность в становлении современных ее качеств как гибкой, сетевой и потому устойчивой в проблемных внутренних и глобальных ситуациях. Необходима ориентация государственных органов управления, общественных организаций на такие качества социального порядка, которые позволяют хорошо жить всем гражданам России.

I. МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ российского общества показал, что в последние 15 лет в нем динамично протекают следующие процессы: 1) материальное расслоение населения; 2) кристаллизация новой социальной стратификации; 3) рост среднего класса; 4) высокая трудовая мобильность населения.

1.1. Материальное расслоение населения происходит с глубокой дифференциацией полярных социальных слоев, которые с начала 2000 г. количественно стабилизировались: 13 % - верхний слой «богатых» и 33 % - нижний слой «бедных». *Верхний слой* концентрирует в своих руках собственность и доходы и отделен от других слоев общества большой социальной дистанцией. Его представители чувствуют себя очень комфортно в стране и не опасаются за свое будущее. *Нижний слой* не имеет собственных ресурсов для преодоления бедности и ему требуется специальная социальная помощь и защита. В этом слое доминируют настроения подавленности и тревоги. В *средних слоях* наблюдается восходящая мобильность от буферного слоя «необеспеченных» к слою «обеспеченных», который за последние 8 лет вырос в 2 раза и составляет теперь почти треть населения. Это массовый адаптированный к новым социальным практикам слой населения с растущим социальным оптимизмом.

Основная проблема материального расслоения: продолжение концентрации доходов в верхней имущественной страте и замедление темпов снижения бедности.

1.2. Социальную стратификацию российского общества мы определяем по трем критериям: материальное положение, уровень образования и наличие властных функций. Она выявляет социальное неравенство населения, которое не тождественно его материальному расслоению. Положение в системе социального неравенства коррелирует с самоидентификацией, социальным самочувствием и оценкой тех общественных явлений, которые связаны с трансформациями последних 15 лет.

Два верхних слоя (30 %) – это обладатели сильных социальных ресурсов, которые наиболее полно использовали возможности, предоставляемые рыночной средой и возникающими инновациями в экономике. Средний слой (39 %) имеет умеренные социальные ресурсы, но высокие адаптационные способности. В этом слое большинство положительно оценивают свое собственное социальное благополучие и движение страны в рыночную экономику. Два нижних слоя (31 %) плохо вписались в современные условия, меньше поддерживают рыночную экономику, чем другие слои. И хотя один из двух слоев формально обладает властным ресурсом и неплохим образованием, но занят в плохо финансируемых социальных отраслях и на неэффективных предприятиях.

Основные проблемы социальной стратификации – это неразвитость экономики, поставляющей ограниченное число хорошо оплачиваемых рабочих мест, и плохие профессиональные ресурсы части населения, не позволяющие ей занимать даже имеющиеся места.

1.3. Средний класс, определяемый по критериям дохода, образования и самоидентификации, составляет в настоящее время 22 % взрослого населения. Средний класс в последние годы динамично растет, по нему наблюдается относительное его «обеднение» - быстрее растет его нижний, более бедный слой, чем верхний. Тем не менее, у среднего класса складывается система установок и ценностей, соответствующих активистским стратегиям поведения в условиях рынка, высокий уровень социального оптимизма и уверенности в своих силах. Оптимистичные оценки синхронизированы с применяемыми средним классом активными стратегиями экономического поведения.

Основная проблема развития среднего класса и превращения его в социальный стабилизатор общества может быть решена только при поддержке наукоемких и инновационных отраслей, а также мелкого и среднего предпринимательства.

1.4. Высокая трудовая мобильность наблюдалась за последние 15 лет среди активной части населения. Почти две трети людей, участвующих в трудовом процессе, включились в 1990 – 2006 гг. в поиски своего нового места на рынке труда. Наиболее активны были те, кто занимают сейчас должность руководителя (90 %), лица с высшим и незаконченным высшим образованием, возрастная когорта 25-34 года. Но *мотивы*, по которым люди сохраняли свою работу или меняли ее, разделяют все занятое население на две группы. Большая часть (около 57%) вела себя пассивно, приспособилась к изменениям под влиянием внешних обстоятельств. Другая, меньшая часть (около 43%), активно вела себя на рынке труда.

1.5. Таким образом, в российском обществе сложился определенный человеческий потенциал для развития страны в условиях рыночной экономики. За 15 лет преобразований **смогли сформироваться слои успешных акторов**, которые адаптировались к особенностям современного российского общества, действуют в соответствии с выработанной ими системой установок и инструментальных ценностей. Они образуют социальные слои, занимающие верхние позиции в системе материального расслоения, социальной стратификации, создают базу для формирования массового среднего класса. **Но возможности расширения этих слоев и сокращения низших слоев уже исчерпаны при сохранении тех тенденций развития, которые доминировали в прошедшие годы.**

II. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ – это субъективное восприятие людьми смыслов своей жизнедеятельности здесь и теперь, в контексте прошлого и ожидаемого будущего. Оно включает не только степень оптимизма и удовлетворенность жизнью, но и уровень защищенности населения от главных опасностей, возможность самостоятельного решения людьми своих жизненных проблем.

2.1. Охарактеризованное выше исчерпание возможностей роста средних и сокращения низших слоев порождает **противоречивое социальное самочувствие россиян**. Эту противоречивость поддерживает и та культурная травма, с которой началась трансформация российского общества.

Возникла **проблема асимметрии роста** социального самочувствия: повышаются оптимизм и удовлетворенность жизнью при сохранении незащищенности большинства людей от главных опасностей и снижении самостоятельности в решении своих проблем слабых социальных групп.

2.2. После резкого спада **социального оптимизма** в 1990-1994 гг. началось его медленное повышение, а затем, в 1999-2006 гг. оно выросло в 2-3 раза. **Удовлетворенность жизнью** также удваивалась в этот период каждые 4 года. Но при этом почти без изменений **сохранилась незащищенность** большинства россиян от таких опасностей как преступность, бедность, злоупотребления со стороны чиновников. В последние годы началось **снижение уровня самостоятельности** слабых групп людей при решении своих проблем – они вновь ощущают растущую зависимость от действий властей, особенно федеральных.

Основная проблема состоит, с одной стороны, в сохранении высокой доли бедных, слабых групп населения, а с другой - в незначительных материальных и

институциональных возможностях и желания местных органов власти решать насущные проблемы населения, повышать активность граждан в решении своих проблем, защищенность жителей от социальных опасностей.

2.3. В последние годы произошло заметное **снижение интенсивности общения** россиян – личного, профессионального, имущественного, поселенческого, особенно в городах. От 20 до 50% жителей **не удовлетворены качеством жилья и медицинского обслуживания**. В зависимости от региона, от 2-х до 20% жителей **хотели бы уехать** в другой регион или в другую страну.

Основная проблема состоит в том, что региональные, местные органы власти недостаточное внимание уделяют развитию инфраструктуры повседневной жизни населения, которая влияет на самочувствие, идентификацию с регионом. Национальные проекты призваны содействовать решению этих проблем.

2.4. В сознании россиян сложилась достаточно рациональная **иерархия важности прав и свобод человека**. Но она опровергается каждодневной практикой их нарушения правоохранительными органами, включая суды. В итоге во все постсоветские годы сохраняется очень **низкий уровень доверия** этим институтам власти, который лишь отчасти компенсируется высоким личным доверием действующему Президенту.

Основная проблема состоит в необходимости коренного изменения отношения чиновников к населению – не как к подданным, а как к полноправным гражданам страны.

III. БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ выполняют роль обобщенных норм поведения людей. Они представлены в сознании россиян тремя культурными типами: традиционные, общечеловеческие, современные. Как эти типы ценностей соотносятся между собой? Какие они образуют мотивационные векторы? Как преломляются эти векторы в сознании жителей различных макрорегионов страны?

3.1. К настоящему времени в сознании россиян сформировалось динамичное **совмещение культурно различных типов ценностей**. В массовом сознании постепенно растет влияние современных и общечеловеческих компонент, которые переплетаются друг с другом и отдаляются от традиционных. Сложилась **функциональная иерархия ценностей**: интегрирующее ядро; интегрирующий резерв; оппозиционный дифференциал; конфликтующая периферия.

Основная проблема состоит в том, что среди высших, терминальных ценностей преобладают традиционные и общечеловеческие, а среди более прагматичных, инструментальных – современные (модернистские). С одной стороны, прагматичные

ценностные ориентации стали предпосылкой активной трудовой мобильности значительной части населения, ее успешной адаптации, продвижению в средние и верхние слои общества. С другой стороны, преобладание терминальных традиционных ценностей способствовало обострению социальных напряженностей, конфликтов.

3.2. Заметно влияют на поведение людей не только отдельные ценности, а **ценностные позиции**. В настоящее время наиболее влиятельны свыше 10 таких позиций: от повседневного гуманизма до корыстного властолюбия; устойчивую нишу заняли также позиции нравственного скептицизма и пессимизма.

Основная проблема состоит в том, что в российском обществе еще не сложился рациональный дискурс, ориентированный на формирование устойчивых представлений о содержании базовых ценностей, на возможный консенсус относительно небольшого числа ценностей и ценностных позиций, предпочтительных для «хорошего общества» в России.

3.3. Часть базовых ценностей можно дифференцировать на **двух мотивационных осях**: 1) **альтруизм – эгоизм**; 2) **инновационность – консерватизм**. В целом по России альтруистские ценности заметно превышают эгоистские, а инновационность немного значимее консерватизма. Точка пересечения ценностно-мотивационных векторов периодически смещается, при этом изменяется направление вектора; картина таких изменений в 1990-2006 гг. напоминает **зигзагообразный дрейф в ограниченном пространстве**.

Основная проблема: каким может быть ближайший вектор дрейфа, его направление? Предложены три сценария.

3.4. Определенная **гомогенность** базовых ценностей культурно разнообразного населения России сочетается с существенными **особенностями макрорегионов** в ценностном пространстве России.

Основная проблема: повышение уровня гомогенности ценностного пространства России, развития горизонтальных взаимодействий, включая структуры управления.

3.5. Уровень **межнациональной толерантности**, отношения с приезжими.

Проблема ксенофобии. Дело в непривычных свойствах «чужих» или в неприемлемо низком качестве жизни «своих»?

Раздел 1

МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Современное состояние российского общества характеризуется несколькими видами социального неравенства, среди которых *материальное неравенство* представляется, на первый взгляд, наиболее очевидным и доминирующим по своей значимости. Оно может описываться в различных показателях – по уровню дохода, финансовому капиталу, по наличию собственности – производственной и непроизводственной, в том числе жилья и земли, товаров длительного пользования, предметов роскоши и т.д. В нашем исследовании материальное неравенство рассмотрено как характеристика респондентами своего материального положения, их оценка своей жизни в прошлом, настоящем и будущем. Кроме того, материальное неравенство проанализировано с точки зрения удовлетворенности населения жилищными условиями и наличия в собственности земли.

При всей остроте материальной дифференциации не менее значима, а в долгосрочном и глубинном смысле и более важна *социальная стратификация* общества, которая образуется не только по материальным признакам, но и по политическим (власть) и культурным (образование). Комплексная многомерная классификация позволяет построить иерархическую структуру общества, которая не идентична материальной дифференциации. Влияние названных признаков подвижно, особенно в эпоху перемен. В каждый период времени общество стратифицировано по социальным слоям, которые расположены в иерархической последовательности и имеют определенный статус и престиж (как и принадлежащие к этим слоям индивиды). Например, человек может быть в верхней части имущественной пирамиды, но по культурному уровню он принадлежит к нижней образовательной группе. Его социальный статус и престиж в обществе будут, скорее всего, оцениваться невысоко, даже если он сам о себе высокого мнения.

При анализе социального расслоения нельзя было оставить в стороне и проблему формирования *российского среднего класса*. Он рассматривается как активный участник модернизации российского общества на пути к рыночной, инновационной экономике и демократии. Исследование показало, что социальные качества среднего класса соответствуют этой общественной роли.

Наконец, мы посчитали важным рассмотреть *структуру* населения по уровню *адаптации к реформам*. Для этого был проведен анализ трудовой мобильности населения за годы реформ с выделением основных видов трудовых мотиваций.

Важно учесть, что объектом нашего анализа является та основная, подавляющая часть, которая и составляет понятие «российское население». В массовые опросы, как наш, не попадают элитная и маргинальная части общества.

1.1. Динамика материального расслоения в 1990 – 2006 гг.

При анализе материального расслоения общества часто ставятся под сомнение данные социологических опросов населения как слишком «субъективные», реагирующие на сегодняшний «вброс» информации через СМИ, как что-то неадекватное, что спонтанно говорится «неразумным» населением. Субъективные многомерные оценки уровня жизни, которые дали сами респонденты в нашем опросе, позволяют приблизиться к некоторым обобщенным и достаточно достоверным результатам, на которые можно ориентироваться в рассмотрении социальных результатов реформ для населения страны в целом и для отдельных социальных групп. Преимущества социологических опросов по этой проблеме состоят в том, что никто лучше самого человека не может оценить свой уровень жизни, исходя из социальных сравнений, своего образа жизни, представлений и ориентаций. Убеждает в достоверности полученных результатов и то, что данные опросов вполне сопоставимы между собой, т.е. не происходит «шараханья» из крайности в крайность, а наблюдается вполне адекватное и инертное восприятие тех или иных проблем, которые не относятся к разряду чрезвычайных событий.

Так, наиболее обобщенный вопрос о влиянии реформ на жизнь респондента в интервью был сформулирован следующим образом: «Вы лично выиграли или проиграли от реформ, проводимых в России с 1992 года?». Оказалось, только 9,5, 13 и 11 % населения в 1998, 2002 и 2006 гг. соответственно считали, что выиграли от реформ, около 30 отметили, что реформы не изменили их жизнь, и 53,9, 46 и 40 % соответственно, проиграли в результате реформ. Результат ожидаемый и вполне объяснимый. Эта комплексная оценка влияния постсоветских процессов на жизнь россиян отражает не только материальную сторону жизни, но и последствия социокультурного и экономического шока, вызвавшего необходимость постепенной адаптации к новой общественной атмосфере.

Кажущимся диссонансом этим оценкам звучит выраженное в трех последних опросах мнение примерно 50 % респондентов, которые и сегодня говорят о необходимости реформ 90-х годов, несмотря на то, что не все они, по самооценке, выиграли в их результате. Здесь находит отражение сопоставление своей собственной судьбы, судьбы своих детей и внуков и перспектив развития всей страны, критическое отношение к системе, существовавшей в советское время. Поддержка необходимости

реформ увеличивается с ростом образования и материального уровня жизни респондентов. Только среди лиц с неполным средним образованием и с самым низким материальным уровнем число отрицающих необходимость реформ превышает долю их поддерживающих.

Более детальное представление о том, как изменялось восприятие жизни и, прежде всего ее материальной стороны, можно изучить на более коротких временных периодах, по которым респонденты оценивали свою жизнь. Здесь оценки перемещаются в плоскость обыденности, а реакция на изменения уровня жизни более непосредственная и следует за оперативными сдвигами в материальном положении.

Как оценивает население уровень своего материального благополучия?

В начале наблюдений, в 1990 г., самооценки уровня жизни были очень низкими. Половина населения считала, что стала жить хуже, чем в прошлом году. Затем последовало некоторое улучшение ситуации в 1994 г., но затем вновь в 1998 г. провал позитивных и в меньшей степени стабильных оценок (см. табл. 1.1.).

Таблица 1.1.

Изменилась ли жизнь Вас и Вашей семьи по сравнению с прошлым годом?
(% от числа опрошенных)

	1990	1994	1998	2002	2006
Стали жить лучше	14	21	15	25	31
Ничего не изменилось	31	36	33	48	51
Стали жить хуже	50	42	49	25	14
Затрудняюсь ответить, отказ от ответа	5	1	3	2	5

Причем, исследование было проведено до дефолта 1998 г., но уровень инфляции, невыплаты зарплат накануне него были столь высоки, что реальные доходы семей значительно снизились. В 1998 г. опять, как в 1990 г., половина населения отметила, что стала жить хуже по сравнению с прошлым годом. Россияне с большим трудом приспосабливались к тем новым условиям существования, которые предлагались элитой. Этим настроениям соответствует и высокий уровень незащищенности от бедности в 1998 г. (77 % опрошенных эту опасность считали основной).

Перелом фиксируется в исследовании 2002 г., когда резко, в 2 раза снизилась доля отметивших ухудшение жизни и значительно возросло число людей, указавших на улучшение своей жизни по сравнению с прошлым годом. В 2006 г. эта тенденция подтверждает свою устойчивость: улучшение жизни фиксируют уже 31 %, а ухудшение - только 14 %. Половина респондентов отмечают стабильность своего материального

положения. О стабильных будет специально сказано ниже. А теперь посмотрим, каково же было это положение по оценкам самого населения?

На шкале, имеющей 6 уровней и разделяющей массив опрошенных на шесть групп - от «нищих» до «богатых», респонденты в разные годы наблюдений разместились следующим образом (табл. 1.2.)¹.

Таблица 1.2.

Самооценка уровня материального положения
(% от числа опрошенных)

	1994	1998	2002	2006	
1. Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	6,9	24,2	13	11	«нищие»
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата	31,0	29,0	23	22	«бедные»
3. На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28,9	20,5	30	21	«необеспеченные»
4. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22,4	14,4	22	29	«обеспеченные»
5. Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	6,7	9,5	11	9	«зажиточные»
6. Практически ни в чем себе не отказываем	1,1	1,4	1	2	«богатые»
Не знаю, отказ от ответа	3,0	1,2	-	6	
Всего	100	100	100	100	

При сравнении 1994 и 1998 гг. видно, что за четыре года произошло значительное изменение в самооценках уровня жизни населения. Резко выросла группа, отнесенная нами к «нищим» - самому бедному слою: почти четверть населения идентифицировала себя с таким уровнем жизни. Сюда переместились многие представители трех последующих, более обеспеченных слоев. Произошла своего рода массовизация бедности в самых крайних проявлениях. Особенно интенсивно вымывался 4-ый слой лиц, названных в таблице «обеспеченными». К 1998 г. оказались исчерпаны социальные ресурсы, которые были накоплены населением за социалистический период. Кроме того, появилась более трезвая оценка характера перемен, произошла своего рода «расколдованность» от тех обещаний, которые давались реформаторами в первые годы реформ. И именно к 1998 г. произошло становление слоя состоятельных граждан – около 11% населения отмечали, что имеют достаточные доходы для безбедной жизни (5-й и 6-й слои).

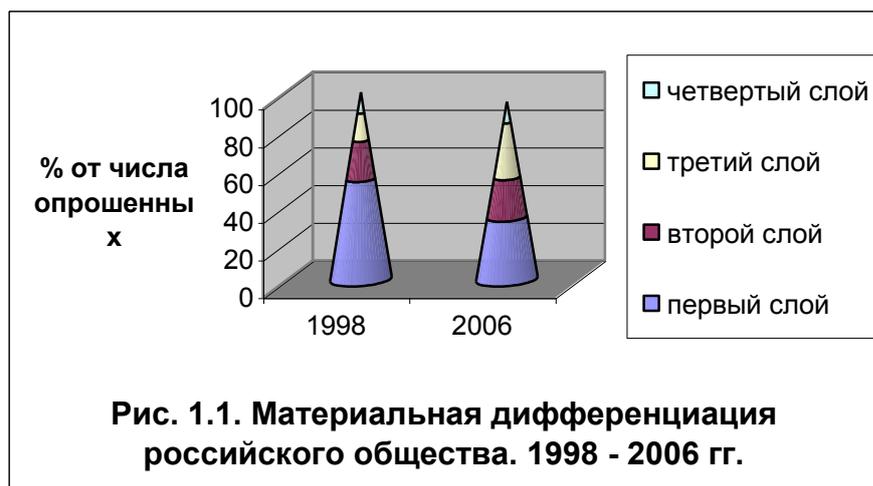
¹ В 1990 г. этот вопрос в интервью отсутствовал.

При сравнении 2002 и 2006 гг. с ситуацией в 1998 году отмечается переломом в тенденциях материального расслоения и социального благополучия населения. Теперь уже не убедительно звучит широко распространенное мнение, что основной характеристикой современного общества является расслоение на большинство бедных и меньшинство богатых. Процессы дифференциации в последние годы более сложные по своей направленности. Наблюдаются две новые положительные тенденции – уменьшение численности бедных и рост доли обеспеченных граждан. В условиях легитимации неравенства и усиления дифференцирующих практик эти положительные тенденции могут быть объяснены только все более развивающейся в обществе адаптацией к переменам и выходом на авансцену экономики новых поколений. Они прошли социализацию в годы реформ, привержены ценностям достижения и индивидуализма, для них сформированная в России своеобразная рыночная среда является естественной, а занятость во многих секторах частного сектора престижной и экономически выгодной².

Те характеристики уровня жизни, которые были заложены в шкале, а также социальное самочувствие представителей имущественных слоев, дают основание разделить в настоящее время все население России на четыре слоя (см. рис. 1) – тех, кто по настоящему беден (в табл. 2 это «нищие» и «бедные») – это первый слой с очень низкими показателями социального самочувствия; второй слой это «необеспеченные» – они занимают промежуточное положение и отличаются от первой группы своим более позитивным социальным самоощущением; третий слой – те, кто уже достиг приемлемого уровня жизни и численно в последние годы очень быстро растет (в табл. 2 это «обеспеченные»); четвертый слой объединяет наиболее успешных («зажиточные» и «богатые») и количественно практически не меняется с 1998 г., когда он был сформирован. Первая группа включала в 2006 г. 33 % населения, вторая группа 21 %, третья группа 29%, четвертая группа 11%³ (см. рис. 1.1.).

² Известно, что помимо заработной платы многие работники частного сектора получают доходы в виде премий, бонусов, страховок и т.п. Если даже не учитывать эту часть доходов, а опираться только на данные статистики, то видно, что в 2004 г. заработная плата, превышающая 5 800 руб., была начислена 44 % работников частных предприятий и только 30 % – государственных и муниципальных. //Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. М., 2005. С. 155.

³ 6 % не ответили на вопрос о своем материальном положении.

Как видим, в 2006 г. по сравнению с 1998 г. значительно сократилась крайняя бедность (первый слой на рис. 1.1.), но количественно это самый значительный слой населения. Как будет показано ниже, здесь сосредотачиваются слабые социальные группы, которые не могут в силу отсутствия социальных ресурсов преодолеть бедность и им требуется специальная социальная помощь и защита.

Сохраняется слой населения (второй на рис. 1.1), который образует буферную зону между нижним и верхними имущественными слоями. Он количественно не изменился по сравнению с 1998 г. (примерно 20% населения), и постепенно принимает в свои ряды бедных из первой группы, поставляя в свою очередь своих представителей в более высокие имущественные слои. Несмотря на недостаточность материальных ресурсов, этот слой отличается от бедных тем, что позитивные оценки, данные ими своей жизни, количественно превышают негативные. Эта группа в большей степени, чем другие бедные группы старается повысить свой материальный уровень за счет качества своей работы. Можно предположить, что эта группа имеет социальные резервы для развития, к тому же она на 18 % состоит из молодых людей до 24 лет, еще не утвердившихся в этой жизни.

Третий материальный слой (обеспеченные) растет в последние 8 лет наиболее динамично (почти на 15 %), его представители успешно вписались в предложенные общественные условия, освоили правила «игры» и в их среде идет процесс образования вполне самостоятельного социального образования, освоившего свою нишу в экономике России. Сложился стабильный и небольшой (немного более 10 % населения) слой достаточно богатых людей, которые чувствуют себя очень комфортно в стране и не опасаются за свое будущее (четвертый слой на рис. 1.1.).

Таким образом, изменения в материальной стратификации общества обусловлены процессами восходящей мобильности в ее имущественном аспекте. Они локализованы

преимущественно в средней и нижней частях имущественной пирамиды. Верхний слой устойчив, закрыт для проникновения и сохраняет значительную социальную дистанцию со всеми другими имущественными слоями общества.

Стабильные: социальная стагнация или ресурс для развития?

В исследовании выявилась довольно большая группа «стабильных», которые отмечают, что их жизнь не изменилась по сравнению с предыдущим годом: в 2002 г. их оказалось 47%, а в 2006 г. – 51 %. Почти столько же считают, что и в следующем, 2007 году в их жизни ничего не изменится. С одной стороны, это свидетельство стабильности социальной ситуации, когда нет резких экономических потрясений, преобладает эволюционное развитие и населению легче адаптироваться. Но возникает вопрос, для кого жизнь стабилизировалась в большей степени - для тех, кто достиг приемлемого уровня жизни, или для тех, кто находится в тяжелом материальном положении? Какие категории так «стабильно» воспринимают свою жизнь?

Можно ли оценивать эту стабильность как позитивный процесс, когда достижение приемлемого уровня жизни обеспечивает уверенность в завтрашнем дне? Такая стабильность – ресурс для развития, означающая формирование в обществе социально сильных групп. С другой стороны, может быть, происходит консервация бедности и необеспеченности, а стабильные оценки демонстрируют отсутствие надежды на улучшение положения? В этом случае группа «стабильных» требует государственной поддержки и дополнительных импульсов в своем существовании. В этом случае можно говорить, что наличие большой доля «стабильных» способствует стагнации общества.

Данные 2006 г. показали, что стабильные - это, прежде всего, три самых бедных слоя, в каждом из них почти 60 % считают, что их жизнь не улучшилась по сравнению с прошлым годом. К тому же, значительная часть этих имущественных слоев (см. табл. 1.3.) отмечает, что они стали жить еще хуже (среди самых бедных 34 %).

Табл 1.3.

Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже? (% от числа опрошенных)2006 г.

	Стали жить лучше	Ничего не изменилось	Стали жить хуже	Не знаю, отказ от ответа	Всего
«нищие»	11	52	34	4	100
«бедные»	14	59	24	3	100
«необеспеченные»	24	59	13	4	100
«обеспеченные»	48	49	4	3	100
«зажиточные»	63	31	2	4	100
«богатые»	82	14	4	-	100

Можно констатировать, что российское общество остается бедным обществом и значительная часть населения «стабилизировала» свой уровень жизни на очень низких отметках.

А как относительно следующего года – много ли среди опрошенных тех, кто уверен, что в следующем году ничего не изменится? В целом по массиву таких было 43 %. Не ждут улучшения своей жизни и надеются на стабильность от 41 до 58 % всех имущественных групп, кроме зажиточных и богатых. Среди последних большинство – 65 и 83 % соответственно считают, что будут жить еще лучше, и только 20 и 12 % соответственно ожидают стабильности.

Учитывая разные количественные пропорции имущественных слоев, можно отметить, что **обществу на современном этапе недостает социального динамизма, который может рождаться при массовом вовлечении населения в позитивное развитие через активизацию малого и среднего предпринимательства, стимулирование инновационных отраслей, а также при большей социальной защищенности слабых социальных групп. Социальная стагнация, может быть, и дает обществу возможность передохнуть, но и затягивание этого периода чревато замедлением темпов развития страны и недостаточным ростом материального благополучия основной массы населения.**

Социальный портрет бедных

По-прежнему болевой точкой общества является бедность большого социального слоя: по нашей методике сюда относятся «нищие» и «бедные», составляющие в 2006 г. в совокупности 33% населения. Сокращение этого слоя по сравнению с 2002 г. произошло всего на 3 %. Этим людям, по их самооценке, не хватает на самое элементарное – часть из них находится на грани выживания, а для части обеспечено физическое существование, но нет средств на повседневно необходимое. Следующий слой также беден, но он имеет хоть какие-то перспективы для развития в силу своих социальных характеристик.

Посмотрим, как же менялся социальный портрет самых бедных по данным нашего мониторинга (табл. 1.4.).

Таблица 1.4.

**Социальные характеристики бедных
1994 – 1998 – 2002 – 2006 гг.
(% от численности бедных)**

	1994	1998	2002	2006
Всего	100	100	100	100
Пол				
Мужской	46	44	38	34
Женский	54	56	62	66
Возраст (лет)				
До 24	9	11	7	5
25-34	17	16	18	10
35-44	29	24	18	15
45-54	26	15	24	15
55+	19	34	33	55
Образование				
Неполное среднее	9,6	11,6	10,6	23,8
Среднее	21,5	36,7	22,9	30,1
Среднее специальное	37,2	28,5	33,5	29,8
Незаконченное высшее	9,1	5,0	3,4	2,8
Высшее	22,5	18,2	29,6	13,5

За годы наблюдений социальные характеристики бедных значительно изменились. Наблюдается неуклонное снижение доли мужчин с соответствующим возрастанием доли женщин. Ярко выражено влияние возраста – все возрастные группы в составе бедных за последние четыре года сокращались, тогда как вес группы 55 лет и старше в числе бедных к настоящему времени вырос до 55 %.

Культурный капитал отчетливо влияет на материальный уровень респондентов. В последние годы растет доля бедных, имеющих плохое образование, а наличие высшего и незаконченного высшего образования стало действенным культурным капиталом, который помогает избежать бедности все большему числу людей.

Таким образом, в группу бедных входят, прежде всего, так называемые слабые социальные категории: по возрасту, по социальному капиталу, по возможностям активной экономической деятельности.

Сравнение данных мониторинга и официальной статистики позволяет зафиксировать, что в оценке бедности имеются существенные расхождения. По статистике, к бедным, у которых доходы были ниже величины официально установленного прожиточного минимума, в 2004 г. было отнесено 17,8 % жителей. В составе населения старше трудоспособного возраста (женщины 55 и более лет и мужчины

60 и более лет)⁴ бедных по методике статистического комитета было только 12,5%. Между тем, по данным нашего мониторинга 2006 г., к бедному слою отнесли себя в 3 раза больше лиц пенсионного возраста. В последние годы Статистический комитет России тоже пытается измерить субъективные оценки населением своего уровня жизни. Для этого респондентов просят оценить по 5-ти уровневой шкале то, как они живут. Оказалось, 41 % опрошенных считают, что живут плохо или очень плохо⁵. В этих оценках и в тех данных, которые дал наш мониторинг, выявляется острое несоответствие нормативного прожиточного минимума и реальной оценки бедности самим населением.

По крайней мере, две причины - объективная и субъективная - рождают такое несоответствие. Первая связана с заниженной нормативной величиной прожиточного минимума, который с трудом обеспечивает только примитивное выживание. Особенно тяжело это сказывается на материальном благополучии неработающих пенсионеров⁶. Известно, что средний размер пенсии по России в конце 2004 г. только на 6,3 % превышал прожиточный минимум пенсионера⁷. При этом по регионам размер пенсий в сравнении с прожиточным минимумом значительно колеблется: от 132 % в Орловской области до 55 % в Эвенкийском АО. В большинстве регионов Сибирского округа и во всех регионах Дальневосточного средний размер назначенных пенсий был ниже прожиточного минимума. Даже в Москве это соотношение равнялось 82,1 %. При увеличении стоимости жизни периодическое повышение пенсий не успевает поддерживать достигнутый уровень жизни пенсионеров. Особенно тревожная ситуация складывается при росте расходов на ЖКХ и на другие услуги. Инфляция в секторе этих услуг более чувствительна для низкодоходных групп, чем для средне- и высоко доходных.

Вторая причина связана с социальным сравнением бедным населением своего уровня жизни и уровня жизни активных и успешных социальных слоев. Даже по статистике, в которой учитываются не все доходы (а не учитываемые доходы у пенсионеров заведомо меньше, чем у экономически активных групп), соотношение пенсий со средней заработной платой в целом по стране было в 2002 г. 31,6 %, в 2003 г. 29,8 %, а в 2004 еще более снизилось, составив 28,4 %⁸. Как видим, темп роста пенсий отставал от роста зарплат. Учитывая предельно низкий уровень пенсий, это приводит к еще большему обеднению этой категории граждан относительно работающего населения и рождает соответствующие негативные социальные сравнения.

⁴ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Стат. Сборник. М., 2005. С. 163.

⁵ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Стат. Сборник. М., 2005. С. 157.

⁶ Опрос проводился только среди взрослого населения и не по домохозяйствам, поэтому влияние количественного состава семей, наличие в них детей в мониторинге не анализировалось.

⁷ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 198.

⁸ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. С. 214.

1.2. Жилище и земля как пространство приватной жизнедеятельности россиян

Среди тех ресурсов, которые обеспечивают материальное благосостояние и качество жизни человека в современном обществе, помимо его производственной деятельности и того дохода, который она приносит, важную роль играет пространство, которое является приватной зоной жизнедеятельности человека. Повседневная жизнь людей, протекающая в частных зонах, заметно отличается от «публичной» и сегодня она приобретает все большую значимость по сравнению с ее ролью в социалистический период. Заметное обострение в последнее время борьбы на личном, муниципальном, городском уровнях за эти ресурсы свидетельствует о том, что общество и дальше будет сталкиваться с этими проблемами и, может быть, в еще больших масштабах. Уже сегодня московские власти разрешают себе изымать землю собственников для строительства жилых домов, одобрив проект постановления «О взаимодействии органов исполнительной власти города Москвы по вопросам, касающимся изъятия земельных участков»⁹. Острый конфликт, уже классового характера, разрастается в Московской области, когда крупный российский миллиардер начал осуществлять масштабный захват земли у местных крестьян для создания в экологически чистом Рузском районе «рая» для богатых¹⁰. Видимо, настал черед передела земли в России, что грозит для многих жителей сужением зоны приватной жизнедеятельности и сокращением тех материальных ресурсов, которыми они располагали.

Для большинства жителей основное жилье, второе жилье на лоне природы и участок (участки) земли, который находится в собственности или в пользовании являются пространством приватной жизнедеятельности. Эти объекты стали в последние годы активно оформляться в собственность, арендоваться, сдаваться в аренду, приобретаться и получили большую ценность как объекты наследования, семейных отношений, свидетельства материального благополучия, социального статуса, а для некоторых и место производственной деятельности.

По статистике, количество квадратных метров жилья, приходящихся на одного человека, в России возросло (В 2004 г. на одного жителя приходилось в среднем 20,5 кв. м жилой площади, что на 11 % больше, чем в 1999 г.¹¹), но жилищная проблема еще далека от разрешения и ее не могут пока решить ни государство, ни усилия самих граждан.

⁹ См.: Известия. 14.02.2007 г.

¹⁰ См.: Известия. 27.02.2007 г.

¹¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Статистический сборник. М., 2005. С. 306.

До сих пор только 68 % городского жилого фонда и 19 % сельского оборудованы всеми видами благоустройств и ими соответственно пользуются 74 % домохозяйств в городах и 14 % в сельской местности¹². В нашем мониторинге мы задали вопрос о том, насколько удовлетворены респонденты своими жилищными условиями. Эти данные могут дополнить беспристрастную статистику субъективными оценками жилищных условий самим населением России.

Таблица 1.5.

Качество жилья в оценке населения (% от числа опрошенных)

Насколько Вы удовлетворены качеством своего жилья?	1990	2002	2006
Удовлетворен,	57	59	60
<i>в том числе:</i>			
полностью удовлетворен	23	18	12
частично удовлетворен	34	41	48
Не удовлетворен,	42	39	32
<i>в том числе:</i>			
частично не удовлетворен	21	17	22
совсем не удовлетворен	21	22	10
Затруднились ответить	1	2,5	8
Итого	100	100	100

Как видим, сегодня по сравнению с 1990 г. ситуация с удовлетворенностью жильем в оценке самого населения несколько повысилась. Оказалось, что в 2006 г. 32 % не удовлетворены качеством своего жилья, в том числе крайне не удовлетворены только 10 %, а 60 % удовлетворены (в основном и полностью). Самую высокую степень удовлетворенности демонстрируют группа руководителей (76 %), высокодоходная группа (92 %) и лица с высшим образованием (63 %). Самые низкие показатели удовлетворенности у рабочих и специалистов (удовлетворены по 57 %), у лиц с незаконченным высшим образованием (52 %) и у тех, кто имеет самый низкий уровень жизни (47 %).

Как видим, жилищная проблема актуальна, прежде всего, для тех, кто сам имеет небольшие ресурсы для ее решения (это не в полной мере относится к получающим сейчас высшее образование). Вывод, который можно сделать на основе этих данных, состоит в том, что **потребность в качественном жилье гораздо больше, чем те возможности, которые сейчас имеются у граждан для улучшения своих жилищных условий.**

¹² Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Статистический сборник. М., 2005. С. 310, 311.

По статистике, в очереди на улучшение жилищных условий стоит немного более 4 млн. семей, что составляет примерно 10 % всех семей России¹³. По данным же нашего опроса, более 30 % семей не удовлетворены своими жилищными условиями. Очевидно, что вне внимания государства при решении жилищной проблемы остается большая группа жителей, которые не могут претендовать на социальное жилье и на участие в специальных жилищных программах, но в то же время они не способны принять участие в ипотеке в силу своих недостаточных доходов. Думается, что при решении жилищной проблемы необходимо обратить внимание и на эту большую группу населения, разработав для нее специальные программы улучшения качества жилья. Нельзя игнорировать стремление людей улучшать свою среду обитания, тем более, что социальные стандарты в этой сфере жизнедеятельности неуклонно повышаются. То, что считалось хорошим два десятилетия назад – наличие отдельной квартиры, теперь дополняется желанием иметь число комнат, равное числу членов семьи плюс еще, по крайней мере, одна комната.

Обратимся теперь к проблеме **владения и пользования** землей. По данным нашего исследования, почти 60 % населения имеют земельные участки. В городе они есть у 51 %, на селе – у 77 % жителей. Обращает на себя внимание равномерность наличия земли у разных профессиональных, возрастных, должностных категорий населения – в каждой группе более 50 % имеют в той или другой форме землю. Исключение составляют только молодежь до 34 лет, и лица, проживающие в данном населенном пункте менее 5 лет. Среди этих категорий земля есть менее чем у 50 % опрошенных респондентов.

Но размеры участков земли у большинства населения невелики (см. табл. 1.6.). У одной трети не более 6 соток и еще около трети имеют от 6 до 12 соток.

Таблица 1.6.

Площадь принадлежащей респондентам земли (% от численности имеющих землю)

6 соток и меньше	6-12 соток	13-20 соток	21-50 соток	51 сотка и больше	Затруднились ответить
32%	31%	15%	14%	5%	3%

Среди городских жителей 80 % имеют до 12 соток земли, у сельских жителей такими участками пользуются только 36 %, а у 64 % имеется в пользовании 13 и более соток, в том числе у 31 % от 21 до 50 соток. Наиболее крупными землевладельцами являются руководители – 66 % из них имеют 13 и более соток земли.

¹³ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Статистический сборник. М., 2005. С. 327.

Чтобы оценить степень урегулированности прав собственности на землю, которой пользуются жители России, мы попросили респондентов ответить, какой документ на землю они имеют. Оказалось, что только 48 % имеют свидетельство, в котором указан кадастровый номер участка. Еще у 25 % есть свидетельство на землю, но без кадастрового номера. Отсутствует свидетельство, но есть какой-то другой документ у 6 % населения, а 21 % затруднились или не захотели ответить на этот вопрос. Таким образом, можно прогнозировать, что в ближайшие годы масштаб участия населения в оформлении земли, которой они пользуются, будет достаточно большой. Примерно 50 % из числа имеющих землю должны будут оформить свидетельство на землю с получением кадастрового номера участка. Насколько гладко пойдет этот процесс, сейчас сказать трудно, но можно предполагать, что без конфликтов не обойдется, особенно в ареалах больших городов и в специальных экономических зонах, где стоимость земли высока и земля остро востребована местной властью.

3. Социальная стратификация (по результатам кластерного анализа)

Пятнадцать лет трансформаций сделали нас свидетелями радикальных изменений в социальной структуре и социальной стратификации российского общества. За этот период произошли такие институциональные изменения в отношениях собственности, которые вызвали сокращение роли государства в экономике, в поддержке социальных отраслей и социальной обеспеченности неработающих членов общества. Результатом стало резкое социальное расслоение населения в беспрецедентно короткий период времени и изменение социальных статусов, ролей, социального самочувствия.

Российские социологи отозвались на возникшие социальные изменения большим потоком эмпирических исследований разного уровня обобщения и с использованием разных методологических подходов. Довольно много проектов посвящено отдельным социальным группам и слоям общества, но лишь ограниченный круг специалистов изучает строение общества в целом и при этом использует эмпирический материал. В этом сегменте исследований можно выделить несколько значимых направлений. Это, прежде всего, разработки Т.И. Заславской проблем трансформации российского общества, которые проводятся в неразрывной связи с изучением распределения социальных ролей и статусов между слоями общества с их целями и интересами¹⁴.

В центре исследования М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой¹⁵. – формирующаяся слоевая структура российского общества, представленная тремя крупными слоями – богатыми, бедными и средним классом. Слои выделяются на основе самоидентификации индивидов по десяти иерархическим уровням. Сейчас эти авторы начали разрабатывать «ресурсный» подход к социальной стратификации.

Определенные возможности в изучении стратификации российского общества, рассматриваемого как социальное пространство для деятельности индивидов и групп, открываются при использовании кластерного анализа. Именно этот подход используется в данном докладе.

Социальное пространство, по П. Бурдьё, состоит из реального положения (позиции) в нем индивида и его представления о своем положении (диспозиции), в соответствии с которым он организует и преобразует это пространство. Социальное пространство объединяет множество полей, в каждом из которых индивид занимает определенную позицию. Для идентификации места индивида или группы в социальной стратификации важнейшими полями являются социально-политическое, социально-

¹⁴ См.: Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества.. М., Дело. 2002.

¹⁵ См.: Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. М., Наука, 2004.

экономическое и социокультурное. Эти поля взаимно пересекаются и на них проецируется место индивида или группы в социальной иерархии.

Для каждого поля можно определить группу критериев, которые его репрезентируют. Это позволяет установить связь концептуального аппарата эмпирического исследования с его методическим инструментарием. Так, социально-политическое поле характеризуют: а) обладание властью, б) выполнение управленческих функций в государственной, политической и экономической сферах; социально-экономическое поле представляют: а) владение собственностью, в том числе производственной, б) управление собственностью, в) доходы, г) отраслевая занятость по секторам (первичный, вторичный, третичный), д) профессиональная деятельность, е) территория проживания; социокультурное поле: а) уровень образования, б) квалификация, в) самоидентификация, г) потребности, д) интересы, е) ценности, ж) престиж, з) образ, стиль жизни и др.

При изучении стратификации российского общества существуют две наиболее трудные проблемы. Одна из них методическая - она связана с определением минимума признаков, по которым проводится анализ, и выявлением реального веса каждого из признаков в дифференциации общества. Поэтому в эмпирическом исследовании приходится идти во многом экспериментальным путем, подбирая такое сочетание показателей, которое необходимо и достаточно для отражения этих процессов.

Вторая трудность связана с тем, что адекватное представление о социальной дифференциации всего общества можно получить только на больших выборках, подобных всероссийским микропереписям населения. Эмпирический материал, которым, как правило, располагают сегодня социологи, не позволяет анализировать проблему расслоения общества как целого, поскольку верхние слои (элита и субэлита, крупные собственники) и подлинные низы (нищие, бродяги, лица без регистрации) остаются вне досягаемости интервьюеров в подобных исследованиях.

Тем не менее, основная часть общества может быть исследована и на ограниченных выборках, но репрезентативных всему обществу по основным показателям – пол, возраст, образование, тип поселения. Таким требованиям отвечает Всероссийский мониторинг, который проводится в Институте философии РАН.

Для анализа стратификационного строения общества нами была применена процедура кластерного анализа или распознавания образов. В результате вся совокупность респондентов была разделена на группы, имеющие близкие характеристики, не выходящие за значения некоторого порога, отделяющего один кластер от другого. В основу анализа были положены три критерия – наличие властных функций, материальный

уровень жизни и образование. Каждый из критериев представляет одно из рассмотренных выше социальных полей.

Все критерии были представлены в анкете в виде шкал. Так, наличие властных функций фиксировалось в ходе ответа на вопрос: имеете ли Вы на работе подчиненных? При этом отмечалось число подчиненных¹⁶. Для оценки уровня материального благосостояния применялась шестиуровневая шкала, по которой респонденты распределились от самого низкого уровня – «нищих» до самого верхнего – «богатых»¹⁷. В фиксации уровня образования, который является свидетельством наличия профессиональной и культурной подготовки, или, по Бурдье, символического капитала, использовалась стандартная шкала¹⁸.

Для выделения социальных слоев была использована многомерная классификация по трем изменяющимся критериям. Она позволила получить кластеры-слои, составляющие иерархическую структуру общества.

Экспериментальным путем было установлено, что оптимальное количество выделенных кластеров должно равнялось пяти. Во-первых, это обеспечивало достаточную дифференциацию массива и различие кластеров по характеристикам попавших в них респондентов, во-вторых, наполняемость кластеров: в самом меньшем из них в 2002 г. оказалось 6 % , а в 2006 г. 11 % опрошенных. Дальнейшее увеличение числа кластеров привело бы к неоправданному уменьшению их наполняемости. По характеристикам респондентов в выделенных кластерах можно заключить, что мы имеем дело с социальными слоями, различающимися между собой иерархическим местом в социальной системе, пространственной локализацией, другими объективными характеристиками, отношением к проводимым в стране реформам, ценностными установками, интересами.

Особенностью сформированных в результате кластерного анализа слоев является наличие центра, который отражает доминирующие черты каждого кластера. Наряду с этим в каждом из них имеется периферия, где эти черты представлены в ослабленном виде и в разных сочетаниях. Выделенные в 2002 г. центры кластеров были заданы и в анализе 2006 г., что позволяет сравнить данные по годам и увидеть, как население дифференцируется по кластерам-слоям в соответствии с заданными критериями. В

¹⁶ (1) - нет, не имею; (2) – менее 5 человек; (3) – 5-10 человек; (4) – 11-50 человек; (5) 51-100 человек; (6) – более 100 человек.

¹⁷ Характеристики материального уровня жизни позволили распределить респондентов по следующим группам: (1) – «нищие»; (2) – бедные; (3) – необеспеченные; (4) – обеспеченные; (5) – зажиточные; (6) – богатые.

¹⁸ (1) незаконченное среднее, (2) среднее, (3) среднее специальное и незаконченное высшее и (4) высшее образование.

таблице 1.7. приведены доминантные признаки выделенных кластеров (слоев) и их объем в 2006 г.

Табл.1.7.

Кластеры-социальные слои. 2006 г.

Критерии	Кластеры и их объем (% от числа опрошенных)				
	1.Высоко-статусные 11 %	2.Эксперты 20 %	3.Реалисты 39 %	4. Бедные руководители 8 %	5.Старые бедные 23 %
Кластерные центры					
Власть	3 (5-10 подчиненных)	1 (нет подчиненных)	1 (нет подчиненных)	2 (до 5 подчиненных)	1 (нет подчиненных)
Доход	5 (зажиточные)	4 (обеспеченные)	4 (обеспеченные)	2 (бедные)	2 (бедные)
Образование	4 (незак. высшее)	5 (высшее)	3 (среднее специальное)	5 (высшее)	2 (среднее общее)

Первый кластер количественно небольшой - 11 %, но в его центре признаки обладания властными ресурсами (с числом подчиненных 5-10 человек), и символическим капиталом в виде незаконченного высшего образования. Для этого кластера характерен и довольно высокий уровень дохода, позволяющий входить в группу зажиточных. Можно констатировать, что это **высокостатусная** группа населения.

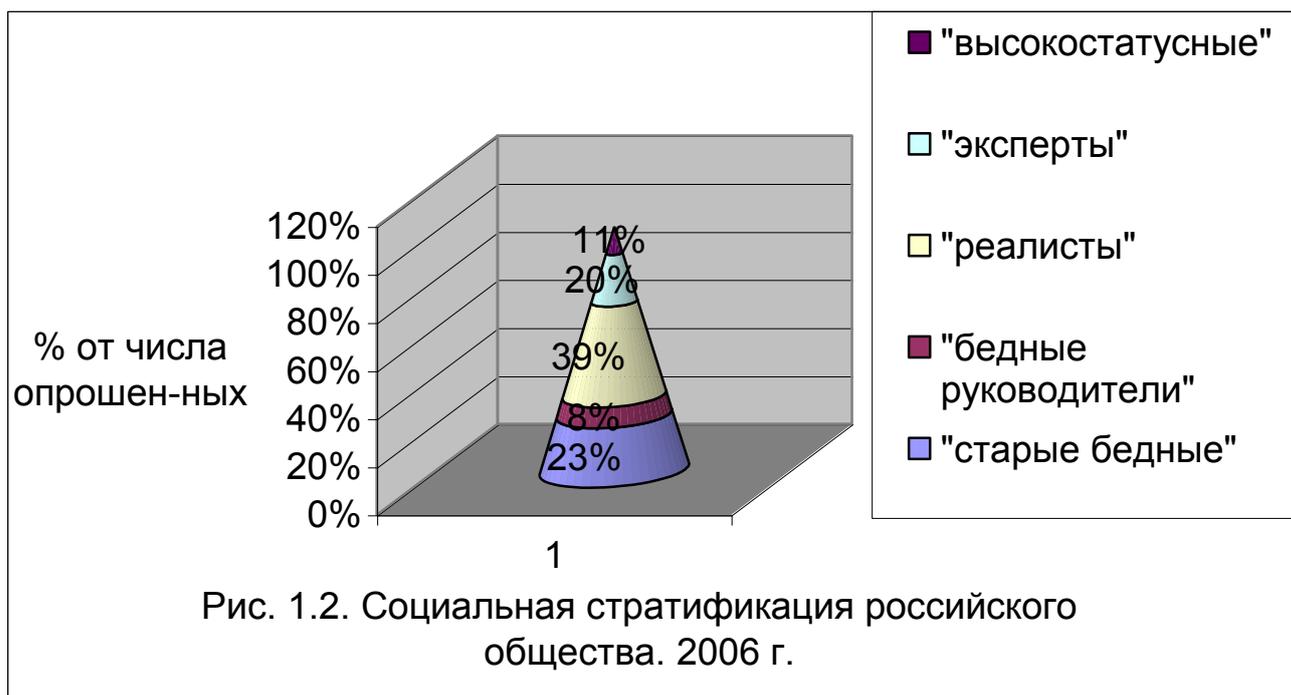
Второй кластер представлен в своем центре такими признаками, которые говорят о социально довольно сильных позициях входящих в него людей, поскольку они располагают высшим образованием и уровнем дохода, по которому их можно причислить к обеспеченным. Но у этого слоя нет властного ресурса, которым располагает первый слой и это, очевидно, сказывается на уровне дохода, который ниже, чем у первого слоя. Наполняемость этого слоя составляет 20 % от числа опрошенных. Можно назвать этот слой **«эксперты»**.

Третий кластер, объединяющий 39 % опрошенных, близок ко второму по двум признакам – по отсутствию подчиненных и по уровню доходов, но в его центре располагаются респонденты, у которых не самый высокий уровень образования - только среднее специальное. Это кластер **«реалистов»** - в его центре те, кто, очевидно, обладает способностями адаптации к рынку, его члены достигли неплохих материальных результатов, входя в группу обеспеченных.

Четвертый кластер в том виде, в каком он возник в 2006 г., в 2002 г. не был обнаружен. Кластер очень небольшой – всего 8 %, но отражает наличие в обществе таких руководителей, которые, по их мнению, владут жалкое материальное существование – на уровне бедных, имеют при этом среднее специальное образование и имеют под своим руководством менее 5 подчиненных. Этот кластер – рудимент советского периода, он сохранился на государственных предприятиях, частично на акционерных и *представлен старшими возрастными группами*. Можно назвать этот кластер «бедные руководители».

Пятый кластер имеет в центре людей без властного ресурса, бедных и со среднем общим образованием. Это группа плохо вписавшихся в рыночную экономику людей, не имеющих достаточных социальных ресурсов. Объем пятого кластера 23 %. Можно назвать этот кластер «старые бедные», поскольку и в социалистический период они находились на нижней ступени социальной лестницы.

Таким образом, социальная стратификация современного российского общества по трем выделенным критериям графически выглядит следующим образом (рис. 1.2.).

Интересно сравнить, как изменилось с 2002 по 2006 г. наполнение одинаковых кластеров. Таких кластеров оказалось 4. В 2006 г. не был опознан кластер, в центре которого стояли специалисты - лица с высшим образованием, но с низкими доходами - «новые бедные» и появился кластер руководителей с высшим образованием, но низкими доходами «бедные руководители» (см. табл. 1.8.).

Таблица 1.8.

Социальная стратификация российского общества. 2002, 2006 гг.
(% от числа опрошенных)

Кластеры-слои	2002 г.	2006 г.
1. Высокостатусные	6	11
2. Эксперты	20	20
3. Реалисты	38	39
4. Бедные руководители	-	8
Новые бедные	11	-
5. Старые бедные	25	23

Численно вырос (на 5 %) верхний кластер – «высокостатусных». Устойчивы слои «экспертов» (20 %) и «реалистов» (38-39 %). Немного сократилась группа «старых бедных».

Обратим внимание на довольно большой слой «новых бедных», включавший в 2002 г. 11 %. Он имел в центре лиц с высшим образованием, занимающих на материальной шкале вторую снизу позицию (бедные) при отсутствии подчиненных. Спустя 4 года место этого слоя занял слой «бедных руководителей», включающий 8 % опрошенных.

Выделенные кластеры представляют собой социальные слои, размещенные в пространстве существующего в обществе социального неравенства.

Это заключение убедительно подчеркивает и субъективная самоидентификация кластеров относительно среднего слоя, которая фиксирует существенные различия между ними (см. рис. 1.3.).

Среди «высокостатусных» более 84 % считают, что принадлежат к среднему слою или к еще более высоким слоям. У «экспертов» такое положение, по самооценке, занимают 79 %, а у реалистов - 68 %. «Бедные руководители» оценивают свое положение даже ниже (49 %), чем «старые бедные» - 60 %. И это не удивительно при их высшим образованием, бедности и необходимости брать на себя ответственность за руководство людьми.

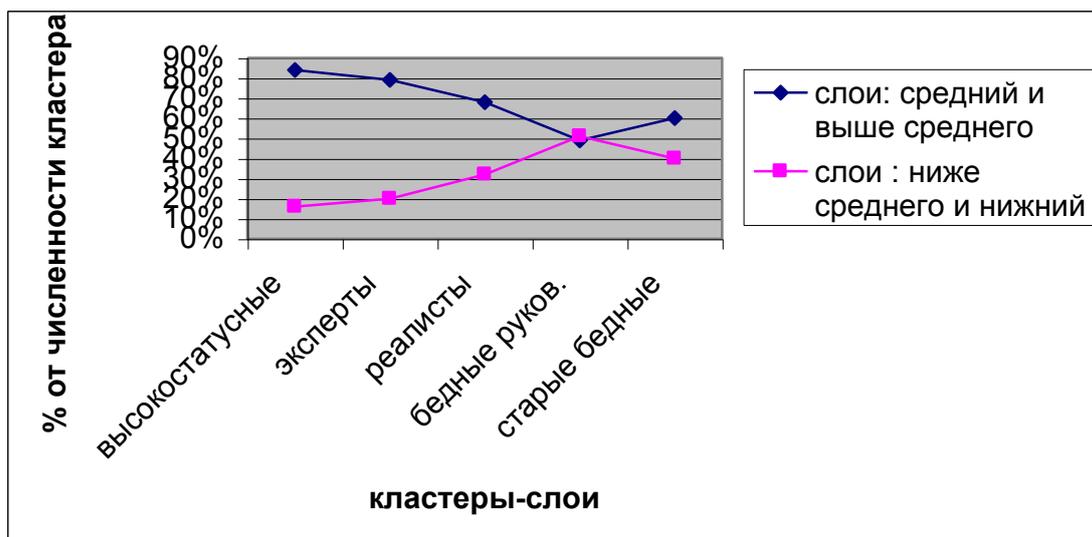

Рис. 1.3. Самоидентификация кластеров относительно среднего класса.

Положение выделенных кластеров в системе стратификации позволяет говорить о существовании социальной дистанции между ними и анализировать их как различные социальные слои. Положение в социальной иерархии отражается не только в их самоидентификации, но и коррелирует с оценками своей собственной жизни и тех общественных явлений, которые связаны с трансформациями последних 15 лет.

Остановимся сначала на оценках, которые даются представителями кластеров собственной жизни. Для этого рассмотрим: 1. как оценивают они свое материальное положение по сравнению с прошлым годом; 2. какие оценки дают своей жизни в следующем году; 3. насколько они удовлетворены своей жизнью в целом. Можно сделать предположение, что с повышением места слоя в социальной иерархии положительные оценки будут возрастать. Это предположение оказалось справедливым (см. рис. 1.4). Исключение составляет только слой «бедных руководителей», у которых удовлетворенность жизнью в целом самая низкая – только 32 % в этом кластере удовлетворены своей жизнью в целом.

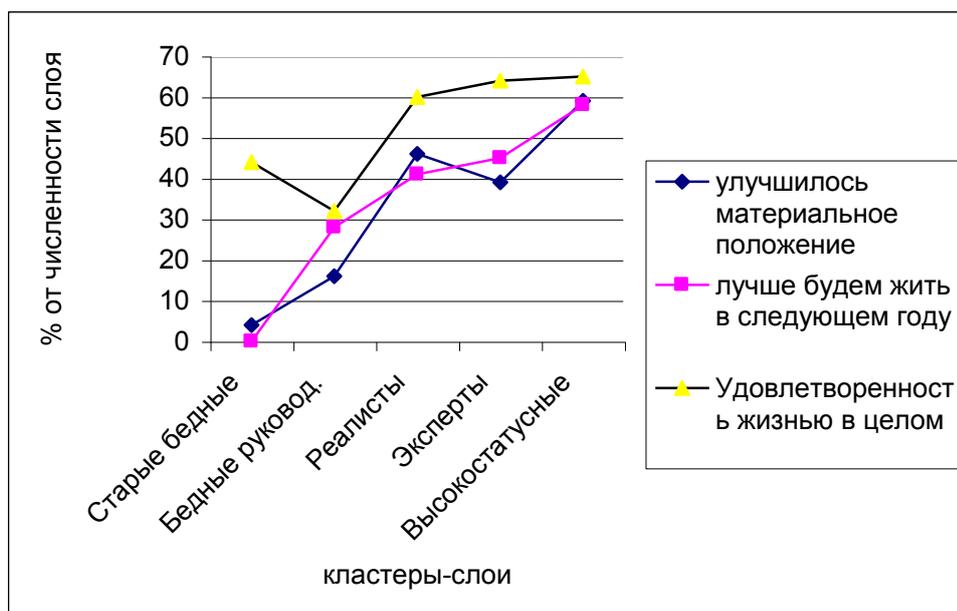
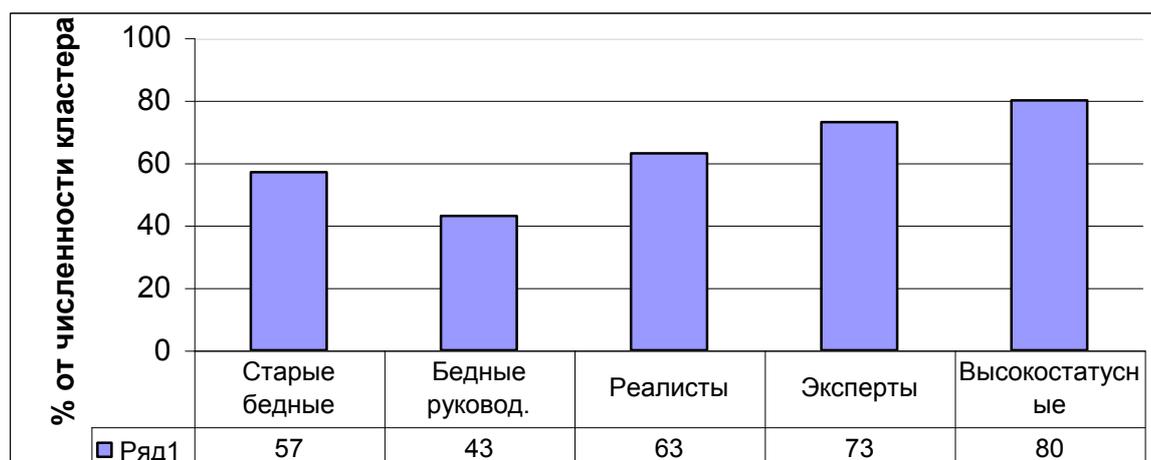

Рис. 1.4. Позитивные оценки собственной жизни в 2006 г.

Отношение социальных кластеров-слоев к общественным переменам можно рассмотреть на примере их положительных или отрицательных оценок рыночной экономики. Для этого был построен сводный индекс по двум вопросам. Сначала респондентам было предложено ответить на прямой вопрос: «Что бы Вы лично предпочли: плановую экономику, которая была в стране раньше, или рыночную, которая складывается сейчас?» Далее последовал уточняющий вопрос: «Какая из двух ситуаций Вам кажется лучше: когда товаров много, но не каждый может купить их из-за высоких цен, или когда цены низкие, но товаров часто не хватает?». Предполагалось, что ответы на эти вопросы будут зависеть от места в социальной иерархии, которое отражает уровень адаптации к рыночным преобразованиям. Была получена следующая зависимость индекса положительного отношения к рыночной экономике кластеров-слоев (см. рис. 1.5.).

Рис. 1.5. Странники рыночной экономики в кластерах-слоях

Просматривается прямая линейная зависимость положительного отношения к рыночной экономике от продвижения по ступеням социальной иерархии. Исключение опять составляют только «бедные руководители», выпадающие из общей тенденции – в их числе сторонников рынка меньше, чем даже у «старых бедных» - только 43 %. Что же это за загадочная группа, имеющая столь низкие оценки своей собственной жизни и так пессимистично относящаяся к современным преобразованиям? В кластер «бедные руководители» попали руководители из дошкольных учреждений, те, кто выполняет функции младшего медицинского и обслуживающего персонала в санитарных службах, строители-бригадиры, руководители воинских подразделений, низовых органов власти, управленцы в сельском хозяйстве и т.д.

Посмотрим параметры всех пяти кластеров по полу и месту работы (см. табл. 1.9.).

Мужчины составляют большинство (63 %) в группе «высокостатусных». Наши данные вновь подтвердили, что властные функции в российском обществе – удел, прежде всего мужчин. Мужчины составляют большинство и среди рабочих, образующих на 70 % кластер «старых бедных». Женщин большинство среди «экспертов» и «бедных руководителей».

Анализ по типам собственности, где работают представители кластеров, показывает, что работа в государственном секторе преобладает у «экспертов» и «бедных руководителей». Частная собственность стала местом приложения труда примерно в равной степени для всех слоев, но владельцами частных предприятий являются преимущественно «высокостатусные» - каждый пятый из них работает на своем собственном предприятии. На акционерных предприятиях меньше используют труд «экспертов» и «бедных руководителей». Такое распределение кластеров, видимо,

отражает отраслевую структуру предприятий разных типов собственности, тенденции развития систем оплаты труда в государственных, акционерных и частных предприятиях.

Таблица 1.9.

Объективные характеристики кластеров-слоев
(% от численности кластера)

	«Высокостатусные»	«Эксперты»	«Реалисты»	«Бедные руководители»	«Старые бедные»
Пол					
Мужской	63	36	50	38	63
Женский	37	64	50	64	37
Место работы					
Гос.пред.	35	54	33	49	38
Акц.пред.	26	13	23	19	33
Собственное пред.	21	4	-	2	-
Частное пред.	18	27	31	23	25
Кол.хоз-во на селе	-	-	-	5	4
ЛПХ	-	-	1	2	-
ИТД	-	2	5	1	-

Таким образом, прежде всего институциональные изменения собственности формируют новую стратификационную модель общества и социальную дифференциацию в России. Уже сейчас можно на эмпирическом уровне зафиксировать и проанализировать социальную стратификацию общества, в которой социальные слои приобретают ясно выраженные статусные позиции. Социальная стратификация приобретает определенную устойчивость.

В России складывается социальная стратификация населения, в которой место в социальной иерархии определяется тремя факторами: материальным положением, уровнем образования и наличием властных функций, сочетающихся с владением собственным бизнесом.

1.4. Средний класс – реальность в современной России

Обращение к проблеме среднего класса как отдельной теме исследования объясняется тем, что проведенный анализ стратификации общества не дает ответа на вопрос – каков же объем среднего класса в России и каковы его характеристики. Дело в том, что средний класс – это особое социальное образование. Для его выделения важно наличие профессиональных знаний для выполнения функций квалифицированного труда и управления, достаточно высокий материальный уровень, и, не в последнюю очередь, самоидентификация со средним положением в обществе. Словом, выделение среднего класса – это в данном исследовании специальная процедура, которая проводится в трех последних волнах мониторинга – в 1998, 2002 и 2006 гг. Неизменность методики дает возможность проанализировать динамику изменения численности среднего класса за эти годы.

В публикациях последних лет средний класс часто рассматривают как идеологическую мифологию, описывающую, к чему должно стремиться общество, чтобы уходить от бедности, уравнительности и стагнации. При этом социальный портрет среднего класса представляется как «идеологизированный образ будущих членов общества, как бы их хотелось видеть с определенных ценностных позиций»¹⁹.

Мы исходим из того, что средний класс не просто идеологическая мифология, как, например, миф о том, что всех можно сделать богатыми и равными, а это – реальная социальная группа, которая формируется в обществе, идущем по пути модернизации. В таком обществе повышается спрос на профессионально подготовленных работников, обладающих востребованными трудовыми навыками, развитую трудовую мотивацию и получающих от государства или частного бизнеса адекватное материальное вознаграждение. Модернизация, рыночная экономика и демократия – три условия, дающие возможность реализовать свой потенциал активным, мотивированным на материальный успех работникам, имеющим для его достижения востребованные в обществе профессиональные навыки.

Мониторинг показал, что объем среднего класса в последние годы заметно увеличивается. Для определения границ и численности среднего класса были использованы три критерия: социальная самоидентификация, материальная обеспеченность и статус профессионала, который дает специальное образование (высшее и среднее). Пересечение этих признаков позволило впервые в 1998 г. выделить группу в

¹⁹ Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии. Под ред. Т. Малеевой. М., 2003. С. 16 - 17.

размере 9,4 %, которая была идентифицирована как средний класс²⁰. По своему социальному статусу средний класс располагался между элитой и основной массой рабочего класса и обладал признаками, характеризующими его активное экономическое поведение, трудовую мотивацию и ценностные характеристики сторонника рыночного и демократического пути развития страны.

В результате наметившегося в 2002 г. экономического подъема и развития третичного сектора (услуг), распространения информационных технологий средний класс увеличился до 14 %²¹, но общая численность среднего класса была явно недостаточна, чтобы он был надежным стабилизатором общества и двигателем развития. Спустя еще 4 года мониторинг показал, что произошел резкий рост среднего класса – он увеличился в 2006 г. до 22 % от общей численности взрослого населения. Это уже довольно весомая социальная группа, заинтересованная в развитии страны по рыночному пути.

Можно выделить несколько обстоятельств, способствующих росту среднего класса: начавшийся экономический подъем, адаптация занятых в экономике к новым условиям трудовой деятельности, превращение частного сектора в неотъемлемый и увеличивающийся сегмент российской экономики, расширение сферы применения информационных технологий, изменение трудовой мотивации и ценностных представлений молодых, средних и частично пожилых возрастных когорт.

По социально-демографическим признакам средний класс отличается от всего массива опрошенных и имеет следующий состав (см. табл. 1.10.).

²⁰ *Беляева Л.А.* В поисках среднего класса в России. Социологические исследования. 1999. №7. *Беляева Л.А.* Критерии выделения российского среднего класса//Средний класс в современном российском обществе. М., 1999. С. 7-16.

²¹ Напомню, что упомянутое выше исследование 2002 г. О.И. Шкаратана дало практически такие же результаты по численности среднего класса, выделяемого по трем признакам (15 %).

Объективные характеристики среднего класса и всего массива опрошенных. 2006 г.
(в %)

	Средний класс	Весь массив
<i>Пол</i>		
Мужской	48	45
Женский	52	55
<i>Возраст</i>		
18-24	23	16
25-34	22	17
35-44	26	19
45-54	19	18
55+	10	30
<i>Образование</i>		
Среднее спец.	40	31
Незакон. высшее	16	8
Высшее +	43	22
<i>Имеют подчиненных</i>	35	13
<i>Место работы</i>		
Предприятие государственное или с участием государства	43	23
Частное, акционерное предприятие, индивидуальная трудовая деятельность	55	27
Не работаю, не знаю, отказ от ответа	2	50
<i>Населенный пункт</i>		
Город	76	72
Село, деревня	24	28

Наиболее существенны отличия по возрастному составу, по образовательному уровню, по наличию властного ресурса и по занятости. Но если образовательный уровень являлся одним из признаков среднего класса и здесь различия очевидны, то данные по возрасту отчетливо показывают, что младшие возрастные группы больше представлены в среднем классе, чем в массиве в целом. Так, лиц до 45 лет больше на 19 %, одновременно в 3 раза меньше лиц старшей возрастной группы.

Для среднего класса характерен высокий уровень занятости в экономике, тогда как в общем массиве опрошенных 50 % не указали место своей работы. Более 50 % средних работают на частных предприятиях, в том числе 6 % имеют собственные фирмы. Более 1/3 в своей деятельности руководят людьми.

Средний класс - эта внутренне неоднородная социальная группа, прежде всего, из-за различий в уровне доходов. Это разделение очень существенно и определяет попадание в нижний или верхний слой среднего класса. 26 % составляет верхний слой, 74 % - нижний слой. В 2006 г. по сравнению с 2002 г. доля верхнего слоя сократилась на 7 %. Можно предположить, что, наблюдается относительное «обеднение» среднего класса, или растут его материальные притязания, которые не могут быть сейчас удовлетворены. И это

не мудрено при столь резком росте цен на жилье, когда при тех же и даже возросших доходах средних, покупка жилья становится для большинства из них недоступной, и это снижает субъективные оценки уровня жизни. Улучшение жилищных условий является приоритетным в потреблении среднего класса.

Сравнение состава нижнего и верхнего слоев среднего класса по ряду объективных характеристик (табл. 1.11.) показывает, что верхний слой – более молодой и образованный. Лица до 45 лет составляют в нижнем слое 66 %, а в верхнем – 85 %. В нижнем слое доминируют респонденты со средним специальным образованием, тогда как в верхнем – с высшим. При этом отличительная черта верхнего слоя - наличие большой группы (24 %) лиц, имеющих незаконченное высшее образование, в основном это студенты, совмещающие работу с учебой. В этом существенная особенность формирующегося среднего класса – он включает в свои ряды молодых, амбициозных и тех, кто имеет или получает высшее образование. А современный студент, особенно в больших городах – желанный сотрудник многих частных, информационных развивающихся компаний, которые рекрутируют из студентов свой кадровый состав.

Таблица 1.11.
Объективные характеристики нижнего и верхнего слоев среднего класса

		Нижний слой, %	Верхний слой, %
Всего		100	100
Пол	Мужской	49	46
	Женский	51	54
Возраст	18-24	22	24
	25-34	20	29
	35-44	24	32
	45-54	23	9
	55+	11	6
Образование	Среднее специальное	44	30
	Незаконченное высшее	14	24
	Высшее+ученая степень	42	46
Имеете ли на работе подчиненных?	Нет, не имею	65	58
	Менее 5 человек	20	20
	5 и более человек	14	20
	Отказ от ответа	2	2
Где Вы работаете на основной работе?	Государственное и с участием государства предприятие	43	43
	Акционерное, частное предприятие	45	47
	Предприятие в Вашей собственности	5	8
	Индивидуальная трудовая деятельность	3	2

	Отказ от ответа	2	-
Размер населенного пункта	Столица	15	14
	Город свыше 1 млн. чел.	14	23
	Большой город (500тыс. – 1 млн. чел.)	16	17
	Средний город (100 тыс. –500 тыс. чел.)	25	18
	Малый город (до 100 тыс. чел.)	6	9
	Село/деревня	25	20

Больше доля в верхнем слое и тех, кто располагает властным ресурсом – имеет на работе подчиненных. Но интересно, что тип предприятия – государственное или частное, перестал оказывать заметное дифференцирующее влияние на средний класс, тогда как в прошлых исследованиях мы отмечали, что большинство верхних «средних» работают на частных, акционерных предприятиях или индивидуально. Сейчас эти доли выровнялись, но притягательность частного сектора для активных молодых и образованных не уменьшается, в верхнем слое больше лиц, имеющих собственное дело.

Верхний слой средних чаще живет в столице и в городах-миллионниках (в сумме 37 %), тогда как нижние средние распределены более равномерно по городским поселениям, среди сельского среднего класса большинство относится к нижнему слою.

Таковы объективные признаки среднего класса. Если же сравнивать жизненные ориентиры, стратегии экономического поведения, социальное самочувствие среднего класса с остальным обществом, то контрасты просто разительные. Уверенность в будущем, оценки ближайшего года, удовлетворенность жизнью, оценки материального положения у среднего класса по сравнению со всем массивом опрошенных значительно выше.

Даже на общем фоне позитивных сдвигов во всем обществе средний класс, особенно его верхний слой, выделяется оптимистическими оценками своего будущего (см. табл. 1.12.).

Табл.1.12.

**Насколько Вы сегодня уверены в своем будущем?
(%)**

	Средний класс в целом	в том числе:		Весь массив
		верхний слой	нижний слой	
<i>Уверен</i>	58	68	54	42
Затрудняюсь определить	23	15	26	26
Не уверен	17	15	17	30
Отказ от ответа	2	-	2	1

Достоинно удивления и то обстоятельство, что даже по такому объемному показателю, как удовлетворенность жизнью, который интегрирует в себе не только материальные параметры жизни, но и состояние здоровья, отношение к социальной среде обитания, другим жизненным обстоятельствам, у среднего класса произошли кардинальные изменения. Средний класс в 2006 г. явно демонстрирует позитивное социальное настроение: 76 % средних удовлетворены своей жизнью, а число неудовлетворенных составляет только 12 % (см. рис. 1.6.).

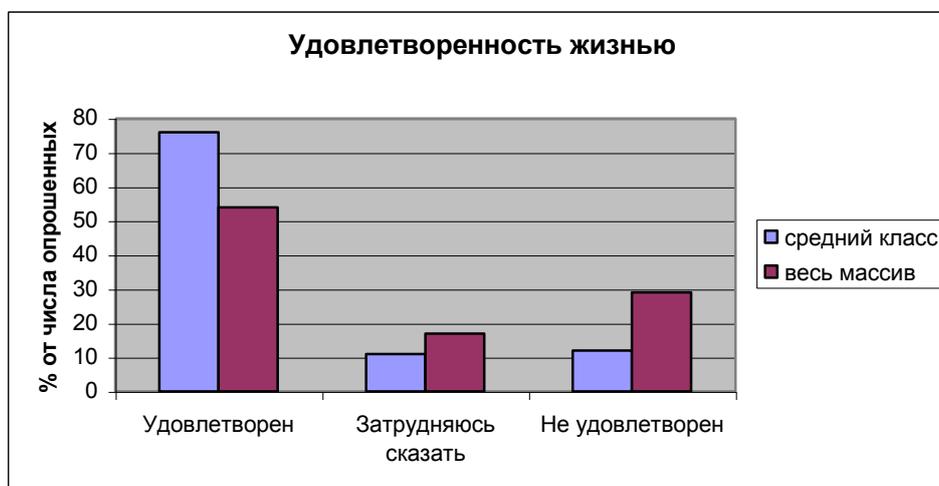

Рис. 1.6. Распределение респондентов по уровню удовлетворенности жизнью.

При этом средний класс вполне осознает, что его социальное положение и перспективы жизни связаны с теми реформами, которые проходили в стране в последние 15 лет. Представители среднего класса в два раза чаще, чем все опрошенные, отмечали, что выиграли в результате реформ, и почти в два раза реже говорили, что они проиграли.

Материальное положение семей в 2006 г. по сравнению с 1990 г. улучшилось у 56 % средних (по массиву в целом у 36 %), а ухудшилось только у 13 % (по массиву 33 %).

Оценки ближайшего будущего заметно оптимистичнее у средних, чем у всех опрошенных. Надежду, что жить будут лучше, чем в текущем году, средние высказывали в 1,6 раза чаще, ухудшения жизни ждут в 2,5 раза реже, причем, никто не сказал, что будет жить значительно хуже.

Оптимистичные оценки синхронизированы с применяемыми средним классом стратегиями экономического поведения (см. табл. 1.13.).

Таблица 1.13.

Стратегии экономического поведения среднего класса²²
(в %)

	Средний класс	Весь массив
Стараюсь как можно более успешно работать на своей основной работе	54	35
Использую любую возможность приработков	19	17
Работаю в нескольких местах	12	8
Получаю дополнительное образование	10	6
<i>Итого используют активные стратегии</i>	95	56
Занимаюсь подсобным хозяйством	15	26
Вынужден занимать деньги	-	6
Сдаю собственность или использую % от сбережений	-	2
Распродаю кое-что из имущества	-	1
Другое	5	3
Отказ от ответа	4	1

95 % средних обеспечивают свое материальное положение за счет интенсификация своего профессионального труда и повышения квалификации. В составе всех опрошенных таких оказалось на 30 % меньше.

Самостоятельность и уверенность в собственных силах все больше отвечает внутреннему самоощущению представителей среднего класса. Они в большей степени (почти 100 %), чем остальное население надеются на себя в улучшении своей жизни. Соответственно и работа, которую предпочитают представители среднего класса, больше соответствует активистским стратегиям поведения. Среди них больше готовых много и напряженно работать, чтобы много зарабатывать и меньше тех, кто выбирает небольшой, но твердый заработок, больше свободного времени, более легкую работу. За годы реформ почти 60 % среднего класса предприняли усилия, чтобы улучшить свое место на рынке труда: они поменяли свою специальность, место работы, или и то и другое.

²² Можно было отметить более одного ответа.

Таким образом, формирующийся в России средний класс представляет собой активный и мотивированный социальный слой населения. Увеличивающийся средний класс - это продукт развития России за последние 15 лет. Культивирование этого слоя, поддержка его дальнейшего развития должно составлять одну из целей общероссийской и региональной социальной политики. Тогда, наряду с сохранением исторической и социокультурной специфики России, в обществе все более будут развиваться черты современного общества. Утверждение А.Тойнби о том, что современная западная цивилизация – это, прежде всего, цивилизация среднего класса²³, подтверждается не только опытом развитых стран мира, но и странами второго эшелона развития, интегрировавшимися в мировую экономику не в качестве сырьевых придатков, а в качестве ее полноценных участников.

²³ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

1.5. Трудовая мотивация и мобильность населения

Адаптация и трудовая мобильность

В проведенном исследовании большое место было отведено анализу трудовой мотивации и трудовой мобильности населения. Это позволило анализировать факторы, обуславливающие «включенность» индивида в развитие, а также структурировать население по стратегиям адаптации, к которым обращались те или иные группы в процессе реформ.

Из международных исследований, в которых участвовала Россия, известно, что сейчас субъективная важность работы для населения значительно выросла и сегодня работа более важна для россиян, чем для большинства населения стран, входящих в «Большую семерку»²⁴. Но требуется уточнить: какая работа в большей степени привлекает россиян; что фактически повлияло на их выбор места приложения своего труда при тех глобальных трансформациях, которые произошли в России, в том числе как влияли их ценностные ориентации; каковы направления и интенсивность трудовой мобильности в годы реформ. Некоторые ответы на эти вопросы были получены в нашем исследовании.

При эволюционном развитии общества социальная адаптация обозначает процессы принятия стереотипов и требований общества, когда субъект стремится к гармоничному отношению с социальной средой. В период радикальных общественных изменений социальная адаптация на субъектном уровне представляет собой приведение индивидуального и группового поведения в соответствие с изменившимися обстоятельствами путем выработки новых стереотипов поведения социальных групп, коллективов, отдельных индивидов.

В трансформирующемся российском обществе наблюдаются три стадии адаптации социальных групп, а также институтов и организаций: 1) социальный шок; 2) мобилизация активных резервов (ресурсов); 3) ответ на вызов среды²⁵. Переход разных социальных групп и индивидов от стадии к стадии происходит не синхронно, что связано с различиями их объективного положения в трансформируемой системе, их личностными, психологическими качествами, возрастными и гендерными особенностями. Можно говорить о разной **адаптивности** социальных групп и слоев как их способности дать

²⁴ Магун В.С. Субъективная значимость работы и ее динамика в 1990-е годы//Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. 2004. М., 2004. С.254-262.

²⁵ Корель Л.В. Генезис и механизм адаптаций в постсоциалистической России: теоретико-методологический подход // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Отв. Ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, Наука. 1999. С. 212.

адекватный ответ на изменения внешней среды, прежде всего - изменившейся экономической системы общества.

У небольшой части населения изменения не вызывают социального шока: она органически сразу переходит ко второй, а затем к третьей стадии адаптации. Так, наиболее адаптивные к переходу на рыночные принципы деятельности группы были подготовлены в получивших развитие в период перестройки кооперативах, в организациях, имевших карт-бланш на ведение частной коммерческой деятельности в дореформенный период, в криминальных и околориминальных кругах. Большую приспособленность демонстрируют и молодые возрастные когорты по сравнению с более взрослыми и пожилыми. Такое «забегание вперед» отдельных групп, не бывших на вершине общественной пирамиды, нарушает социальное равновесие в обществе, ломает социальную вертикаль, вызывает изменения в социальной стратификации и социальном позиционировании всех социальных групп.

Данные всероссийского мониторинга, проводимого ЦИСИ ИФРАН с 1990 г., показывают, что социальный шок, пережитый обществом в начале 90-х годов, повторился в 1998 г. В 1990 г. половина респондентов фиксировала, что их жизнь по сравнению с прошлым годом ухудшилась, почти 70 % не надеялись на стабильность или улучшение своего положения и в следующем году, около 60 % респондентов признавали, что страна находится в кризисе. В 1994 г. отмечается некоторое улучшение социального самочувствия, но в 1998 г. вновь 50 % отмечают ухудшение своей жизни и почти 60 % не ждут стабильности или улучшения в следующем году. Это самые плохие показатели по самочувствию населения за все годы мониторинга. Причем фиксируемый нашим исследованием шок 1998 г. еще не был связан с финансовым кризисом, а вызван массовым ухудшением материального положения вследствие инфляции, невыплат зарплат, закрытием предприятий. В результате «дефолта» 1998 г. шок еще более углубился. Шок сопровождался ухудшением социального самочувствия, усилением страхов, ростом числа самоубийств.

Население с большим трудом приспособлялось к новым условиям жизнедеятельности, к состоянию рынка труда и институциональным изменениям в экономике, в частности, к появлению новых отношений собственности, к отраслевым структурным изменениям, закрытию и банкротству многих государственных предприятий. Трудно переоценить те изменения в представлениях людей о ценности их труда, защищенности от безработицы, гарантированном уровне жизни, если человек был занят в общественном производстве, или он проработал всю свою взрослую жизнь, и «заработал» пенсию. Для огромных масс людей встал вопрос поиска нового места

работы для элементарного получения средств к существованию, адаптации к довольно неопределенному состоянию рынка труда, приспособления к выживанию на скудную пенсию при росте оплаты разного рода услуг.

Успешная адаптация произошла у тех индивидов, кто смог мобилизовать свои ресурсы и, сохранив или изменив свою профессию и/или место работы, нашел свое место в новой системе экономических отношений. При этом их материальный статус, как правило, повысился в силу открывшихся возможностей в рыночной экономике. Отдельно надо сказать о появившемся слое предпринимателей. Иначе, как крупным институциональным сдвигом нельзя назвать тот факт, что в экономике страны развился частный сектор, в результате чего уже к 2004 г. в стране существовало почти 4,5 млн. работников – 6 % трудоспособного населения, которые работали не по найму, в том числе 1 % использовал труд привлеченных наемных работников, а 4,5 % работали самостоятельно. В 2004 г. уже 35 % занятых в экономике работали на частных предприятиях²⁶.

Чем менее выражено в индивиде личностное начало, тем чаще адаптация носит характер простого приспособления к условиям социальной среды, другими словами, при низких адаптационных ресурсах происходит подстраивание под новую жизненную ситуацию, индивид демонстрирует неспособность овладеть ею. При этом, как правило, понижается статусная позиция и материальное положение, возникает социальная аномия.

Распространилась за годы реформ и адаптация как архаизация и возврат в прошлое. Натуральные хозяйства и архаизация быта стали распространенным явлением в отдаленных от центров модернизации поселениях. И это явилось способом адаптации при потере коммуникационных и организационных связей и забвении со стороны государства. Некоторая часть населения прошла реадаптацию, вернувшись к выполнению освоенных ранее трудовых навыков, например, часть горожан в первом поколении возвратилась в села и стала вести сельское хозяйство и выработанный ранее образ жизни; часть инженеров переключилась на выполнение высококвалифицированного и среднеквалифицированного ручного труда (строительство, ремонтные работы, автосервис) и т.д.

Наконец, в России в результате реформ стала довольно распространенной так называемая «катастрофическая адаптация», которая на уровне индивида сопровождается социальной деградацией, пауперизмом, алкоголизмом, утратой трудовых навыков и способности к труду. Помимо личностных качеств и низких адаптационных ресурсов

²⁶ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Статистический сборник. М., 2005. С. 91, 92.

существенное воздействие на возникновение такого рода адаптаций оказывает социальная среда, социально-экономические условия региона или поселения. Так, диверсифицированный рынок труда снижает риск катастрофической адаптации и, наоборот, при суженном предложении рабочих мест или их отсутствии, невозможность найти работу по способностям усугубляет положение.

Как показало наше исследование, сегодня в обществе наблюдается довольно высокий уровень поддержки реформ: половина населения в 2006 г. уверенно сказала, что в начале 90-х годов в России надо было начинать реформы. Такая поддержка означает, что у значительной доли населения сегодня сложилась стабильная адаптация к актуальной социальной ситуации и трудовая мотивация, отвечающая новым отношениям и требованиям.

Такой вывод поддерживается ростом самостоятельности людей, ослаблением патерналистских ожиданий и зависимости от каких-то внешних влияний на их жизнь. В целом по массиву в 2006 г. 79 % респондентов отметили, что улучшение их жизни зависит от них самих (в 2002 г. – 78 %). Влияние семьи, друзей, земляков, начальника по работе, властей разного уровня (кроме общероссийской) отметили не более 54 % опрошенных. По мнению 61 %, улучшение их жизни зависит от общероссийской власти. Не прослеживается какой-то зависимости этих оценок от проживания в городе или на селе, но с ростом образования и материального уровня самостоятельность растет, падая при увеличении возраста респондентов. Проведенный нами ранее анализ показал, что самостоятельность тесно коррелирует с уровнем адаптации к реформам – чем выше уровень адаптации, тем выше оценка своих собственных способностей и сил обеспечить улучшение своей жизни²⁷.

Одним из важнейших свидетельств адаптации к переменам является трудовая мобильность россиян. Анализ данных о перемене профессии, специальности, места работы, а также о мотивах сохранения трудовой позиции позволяют рассмотреть структуру трудовой мобильности и мотивации населения в годы экстремальных изменений системы трудовых отношений.

Отвечая на вопросы интервью в пятой волне мониторинга, 53 % опрошенных отметили, что в 1990 г. они работали, 41 % не имели работы по разным причинам – часть еще не вступили в трудовой возраст, часть выбыли из трудового процесса по возрасту, часть по другим обстоятельствам, остальные не ответили на этот вопрос.

²⁷ Кому на Руси жить хорошо? Стратегии выживания, адаптации, преуспевания//Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. Десять лет постсоветского развития. М., 2001. С. 106 – 127..

Трудовая мобильность (горизонтальная и вертикальная – как восходящая, так и нисходящая) за эти годы была очень высокой (табл. 1.14). Только 22 % работавших в 1990 г. сохранили свою специальность и место работы. 11 % остались в той же специальности, но поменяли место работы, а 28 % сменили и свою специальность, и свою организацию. 38 %, сейчас по разным причинам не работают.

В числе неработающих женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет составляют около 70 %. Уход на пенсию сопровождается, как правило, понижением социального и материального статуса. На селе совсем перестали работать, и не только из-за возраста, но и из-за закрытия сельскохозяйственных предприятий и по другим причинам - 47 % против 34 % в городе.

Таблица 1.14.

***Изменение трудового положения в 1990 – 2006 гг.
(% от работающих в 1990 г. респондентов)***

<i>Всего работали в 1990 г.</i>	<i>100</i>
<i>в том числе в 2006 г.:</i>	
<i>Работают по той же специальности и в той же организации</i>	<i>22</i>
<i>Работают по той же специальности, но перешли в другую организацию</i>	<i>12</i>
<i>Сменили и специальность и организацию</i>	<i>28</i>
<i>Не работают</i>	<i>38</i>

Имеет смысл специально изучить трудовую мобильность тех, кто продолжает работать весь рассматриваемый период – с 1990 по 2006 г. Очевидно, что это наиболее трудоспособная часть общества, которой удалось адаптироваться к новым условиям жизни. Эти люди составляют 62 % тех, кто имел работу в 1990 г. Далее эта группа и будет в центре нашего анализа.

Оказалось, что среди них 36 % не изменили своей специальности и своей организации, 18 % перешли в другую организацию, сохранив свою специальность, 46 % сменили и свою специальность, и свою организацию. Общий уровень трудовой мобильности в группе работающих в 1990 – 2006 гг. составил 64 %.

Таким образом, за годы реформ произошла небывалая трудовая мобильность жителей России – почти две трети людей, участвующих в трудовом процессе в 1990 – 2006 гг. - весь период реформ, включились в поиски своего нового места на рынке труда. Наиболее активны были те, кто занимает сейчас должность руководителя – 90 % из них поменяли специальность и место работы, или только работу. Активны были также лица с высшим и незаконченным высшим образованием и возрастная когорта 25-34 года.

Наиболее инертными оказались специалисты и рабочие: 51 и 38 % соответственно сохранили свою специальность и организацию. Профессиональная подготовка рассматривалась этими группами как важный социальный ресурс и, исходя из этого, строилась стратегия адаптации. Конечно, остается вопрос – был ли это осознанный выбор, или так сложились обстоятельства, не позволившие принять другое решение. Для нас важно понять, в какой мере изменения или сохранение статус-кво было обусловлено трудовыми мотивациями респондентов. Это позволит оценить, насколько население было самостоятельно и активно в выборе своего дальнейшего трудового пути и чем оно при этом руководствовалось.

Иерархия трудовых мотиваций россиян в период реформ

Свою профессиональную мобильность с 1990 г. респонденты, поменявшие работу, объясняют, прежде всего, объективными причинами – были сокращения и закрытия предприятий, их специальность сейчас не востребована, произошла перемена места жительства. На эти причины указали 58 % респондентов, поменявших работу. Для 41 % нашлась более интересная и престижная работа, некоторые из них получили дополнительное образование и это стало причиной перехода на новое место. 26 % не устраивала заработная плата на старом месте и это побудило сменить работу. Две последние группы причин взаимосвязаны – более интересная и престижная работа, как правило, и лучше оплачивается.

Объективные обстоятельства также могут привести к перемене работы на более интересную и лучше оплачиваемую, но для нас важно зафиксировать именно причину, которая стимулировала респондента к смене работы, но не последствия ее перемены.

Прочие причины составили 17 %. Таким образом, иерархия мотивов изменения специальности и места работы выглядит следующим образом (см. рис. 1.7.)²⁸.

²⁸ В опросе была предусмотрена возможность нескольких ответов, поэтому сумма всех ответов больше 100 %.

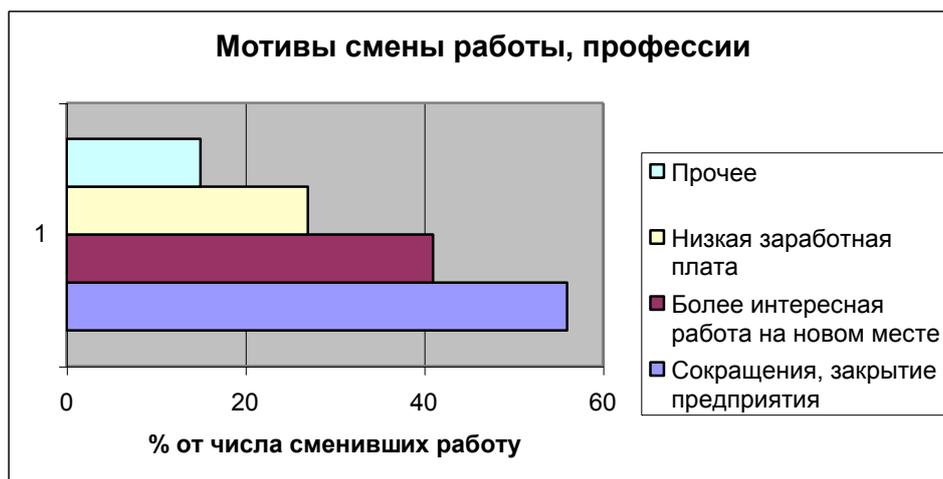

Рис. 1.7. Иерархия причин и мотивов изменения специальности и места работы.

Наряду с теми, кто сменил свою работу, 36 % продолжают трудиться в той же организации и по той же специальности, что и в 1990 г. Причины, которые обуславливают такое «постоянство», выстраиваются в иерархию, представленную на рис. 1.8.

42 % ссылаются на привычку, желание спокойной жизни. Для 34 % - вопрос перехода на другую работу не стоял – им было некуда уходить. 30 % считают свою работу интересной, престижной, почетной и это, по их словам, веская причина не менять ее, а 14% признают, что их работа хорошо оплачивается. Можно заключить, что для 44 % сохранивших свою работу она представляет определенную ценность как интересная и хорошо оплачиваемая.

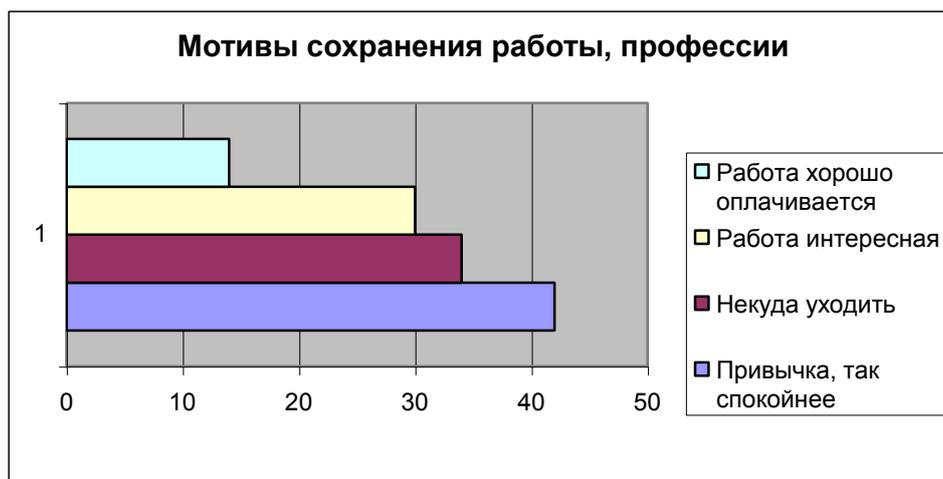

Рис. 1.8. Иерархия причин и мотивов сохранения специальности и места работы.

Как видим, и для сменивших работу, и для сохранивших постоянство, выстраиваются два схожих типа иерархии мотивов. Это дает возможность объединить эти группы и выделить несколько типических групп работающего населения, у которых доминируют те или другие трудовые мотивации (по степени убывания доли в численности): 1) идущие за обстоятельствами, сменили или сохранили работу по объективным, не зависящим от них причинам (45 %); 2) креативные – те, кто интерес к работе ставит на первое место при ее сохранении и при ее смене (34 %); 3) инертные, для них главный мотив – спокойствие, нежелание что-то менять (23%); 4) меркантильные - стремятся работать там, где больше платят (19%); 5) указавшие другие причины или не ответившие на вопрос (8 %). (см. рис. 1.9.)²⁹.

Для большинства населения России ведущий мотив – вынужденная адаптация к тем переменам, которые произошли в их трудовом положении за годы реформ. Именно под влиянием обстоятельств эти люди поменяли свою работу, или сохранили ее. Близки к этим людям и желающие покоя, не намеренные менять свои привычки (эти две группы «пассивных» реально пересекаются). **В составе населения России пассивное приспособление в годы реформ предпочло большинство - 68 %.** Адаптация нередко сопровождалась понижением статусной позиции и материального уровня жизни, и это заставляло некоторых искать ресурсы вне основной работы, а другие смирились с потерями.

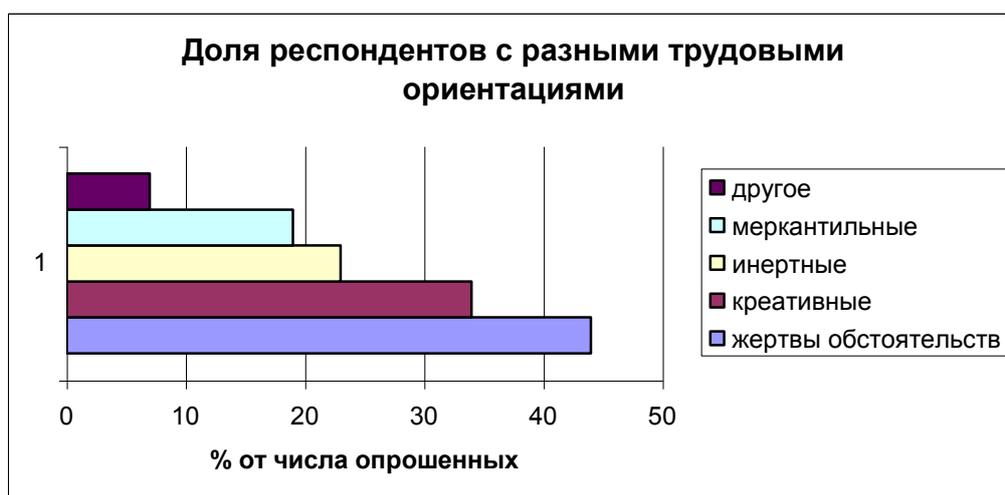

Рис. 1.9. Распределение респондентов по основным трудовым ориентациям

Активно вели себя на рынке труда 53 % населения. Они нашли или сохранили работу, которая интересна, престижна, и/или хорошо оплачивается. Эти люди могут

²⁹ В опросе была предусмотрена возможность нескольких ответов на эти вопросы, поэтому сумма всех ответов больше 100 %.

рассматриваться как **успешно адаптировавшиеся** к реформам. Входящие в нее использовали активные стратегии адаптации, в том числе смогли соответствовать новым требованиям, не меняя свою специальность и место работы.

Таким образом, доля населения с пассивными трудовыми мотивациями превышала долю с активными в 1,3 раза. Но это характеристики реального поведения в период реформ в оценке самих респондентов. Если же посмотреть, как менялись ментальные характеристики, то можно зафиксировать, что преимущества рыночной экономики достаточно радикально изменили отношение к работе большинства населения страны. 15 лет тяжелой адаптации к реформам не прошли даром, и у значительной части населения сформировалась готовность к работе в новых рыночных условиях.

«Воспитание» рынком

В исследовании 2006 г. мы предложили респондентам ответить на вопрос «Какую работу Вы предпочли бы сегодня, если бы могли выбирать?», т.е. определить свое поведение в прожективной ситуации свободы выбора работы. Результаты оказались следующие (см. табл. 1.15.).

Таблица 1.15.

<i>Ранг ответ а</i>	Какую работу Вы предпочли бы сегодня, если бы могли выбирать?	<i>% от числа опрошен.</i>
1.	Много зарабатывать, даже если придется очень много и напряженно работать	44
2.	Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	22
3.	Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	14
4.	Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	8
5.	Затруднились ответить, отказ от ответа	12
	Итого	100

Можно отметить довольно большую долю населения, которая готова работать так, как требуется в рыночной экономике, и получать адекватное вознаграждение (44 %). В этой группе сосредоточены в большей степени мужчины, лица молодого и среднего возраста, образованные, примерно в равных долях представлены жители города и села. 14% респондентов хотели бы много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее. Такую позицию занимают преимущественно молодые и имеющие незаконченное высшее образование респонденты, готовые к рискам в рыночной экономике. Таким образом, общее число респондентов, ориентированных на рыночные принципы в трудовой деятельности, составляет около 60 %.

Работу за небольшой, но твердый заработок или плохо оплачиваемую работу, но дающую много свободного времени, выбирают только 30 %. Среди них доминируют лица с низким уровнем дохода и образования, а также старшая возрастная группа (55 лет и старше). Прочие признаки не оказывают заметного влияния.

Можно сделать вывод, что значительная часть населения России успешно прошла жестокую школу переходного периода и осознанно выбирает рыночные стратегии поведения, готова к напряженному, интенсивному труду. Причем, не только выбирает, но и реально их осуществляет. В 2006 г. 56 % респондентов дали ответы, которые говорят об использовании ими активных способов поддержания и улучшения своего материального положения. Только 24 % ничего не пытаются делать для этого, но в эту группу входят, в основном, пожилые люди и имеющие низкое образование.

Другое дело, что у нас существует в явном виде противоречие между потребностями отраслей и предложением со стороны наемных работников. Первые жалуются на недостаток квалифицированных кадров, вторые – на низкую оплату труда за квалифицированный труд. Если это противоречие будет разрешено, то изменятся и те способы, к которым прибегает сегодня население, чтобы улучшить свое материальное положение. Например, сейчас 26 % для этого занимаются подсобным хозяйством, в их числе не только сельские жители, но и горожане. Сегодня 26 % руководителей, 24 % специалистов-профессионалов, 20 % имеющих высшее образование и ученую степень занимаются подсобным хозяйством для улучшения материального благосостояния семьи. И это отнюдь не отдых на даче, а полноценный производительный труд, своего рода синтез современного и традиционного. 25 % работают в нескольких местах или имеют приработки, что также нельзя признать нормальным, учитывая физические и психические перегрузки, которые испытываются при этом. Но отрадно заметить, что сегодня 35 % делают все, чтобы успешно работать на своем рабочем месте, а 6 % получают дополнительное образование для улучшения своего материального положения. Нельзя не признать, что это и есть нормальный путь повышения интенсивности труда, современная, рыночная трудовая мотивация. Характерно, что по этому пути идут три наиболее материально обеспеченных слоя общества, составляющие 40 % населения. Другие способы повысить свой материальный уровень они используют в несколько раз реже.

Таким образом, в России сформировались акторы с успешными адаптационными стратегиями экономического поведения и адекватными рыночным требованиям трудовыми мотивациями. Их доля составляет более 50 % взрослого населения страны.

Раздел 2.

АСИММЕТРИЧНОЕ ПОВЫШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ

2.1. Противоречивость предпосылок самочувствия россиян

Контрасты социального расслоения и тень культурной травмы

В разделе 1 показаны контрасты социального расслоения населения современной России. В каких бы измерениях ни рассматривать это расслоение (как материально-имущественное, социально-стратификационное или классово-осознаваемое), оно свидетельствует о наличии трех базовых дифференциаций: верхние, средние и нижние слои. Закрепился большой удельный вес (31-33%) нижних, во всех отношениях униженных слоев и контрастных по отношению ко всем остальным слоям общества. Еще более жестко закрепился небольшой по численности (10-13%) верхний слой преуспевающе-богатых, который отделен от остальных слоев непреодолимой социальной дистанцией. Средние слои довольно подвижны. Такое расслоение порождает **противоречивое социальное самочувствие россиян**. Эту противоречивость поддерживает и та культурная травма, с которой началась трансформация российского общества.

Радикальная трансформация России и стран Восточной Европы на рубеже 80-х - 90-х годов XX в. породила в обществах этих стран феномен культурной травмы. **Культурная травма** есть результат удара по наиболее устойчивой сфере жизни людей и всего общества - по их культуре: ценностям, нормам, правилам, образцам, символам, смыслам. Сила удара пропорциональна его неожиданности, цельности прежней культуры, глубине диссонанса прежней и новой культуры, закрытости населения по отношению к новой, альтернативной культуре, отсутствию в обществе прибежищ для этой культуры.³⁰

В российском обществе глубина культурной травмы определялась максимальными значениями этих и других характеристик удара. Не удивительно, что культурная травма, возникшая в результате такого удара, вызвала радикальную дезорганизацию социальных институтов и структуры ценностей населения, дезориентацию поведения широчайших слоев россиян, резкий спад их социального самочувствия. Лишь с конца 90-х годов в России началась стабилизация социетального порядка, восстановление и повышение самочувствия населения. Но культурная травма еще отбрасывает свою тень на эти процессы: тормозит многие их направления, обуславливает диспропорции, асимметрию их динамики, в том числе самочувствия населения.

³⁰ Штомпка П. Травма социальных изменений // Он же. Социология. Анализ современного общества. М., Логос, 2005. Гл. 20.

Асимметричное повышение самочувствия

Социальное самочувствие – это субъективное восприятие людьми смыслов своей жизнедеятельности здесь и теперь, в контексте прошлого и ожидаемого будущего. Это ценностно-эмоциональное их отношение к своему социальному положению и уровню удовлетворения своих потребностей, интересов. Это совокупность оценок, которые люди дают себе, своим повседневным взаимодействиям друг с другом, с социальными институтами, территориальными сообществами и обществом в целом. Это рационально-эмоциональные, ценностно выверенные представления, которые имеют позитивные, негативные и промежуточные значения. Они во многом мотивируют выбор стратегии поведения людей, их повседневные действия. Словом, это комплексный, многомерный феномен.

С помощью мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» мы измеряем четыре составляющие социального самочувствия: 1) степень защищенности населения от главных опасностей: преступность, бедность, произвол чиновников и др.; 2) степень самостоятельности людей в своей жизнедеятельности; 3) степень их удовлетворенности своей жизнью в целом; 4) степень оптимизма в оценке ими своего настоящего и будущего. Первая из этих составляющих образует камертон повседневного поведения людей. Вторая свидетельствует о том, насколько свободен индивид в своей деятельности. Третья фокусирует внимание на самооценке результатов всей жизнедеятельности человека, согласно его собственным критериям. Четвертая фиксирует самооценку человеком перспектив своей деятельности.

16 лет наблюдений за социальным самочувствием населения России показали глубокие изменения в состоянии этого феномена: его спад и начавшийся подъем. Но его повышение, особенно после 2002 г. - рассогласованное, асимметричное.

С одной стороны, быстро растет удовлетворенность большинства людей своей жизнью в целом: если в начале 90-х годов из каждых 6 человек 5 чувствовали неудовлетворенность жизнью, то в 2006 г. уже каждый второй скорее удовлетворен, чем не удовлетворен своей жизнью. Повышается социальный оптимизм: в середине 90-х годов пессимистов было в 3 раза больше, чем оптимистов, а теперь наблюдается обратная картина – оптимистов стало в 2-3 раза больше, чем пессимистов.

С другой стороны, на очень низком уровне остается защищенность населения от главных социальных опасностей: преступности, бедности, произвола чиновников. Уровень этой защищенности упал в первой половине 90-х годов в 3-4 раза и с тех пор почти не изменился, тяжелым грузом давит на самочувствие большинства россиян. К тому же вновь стала расти зависимость граждан от властей при решении насущных проблем –

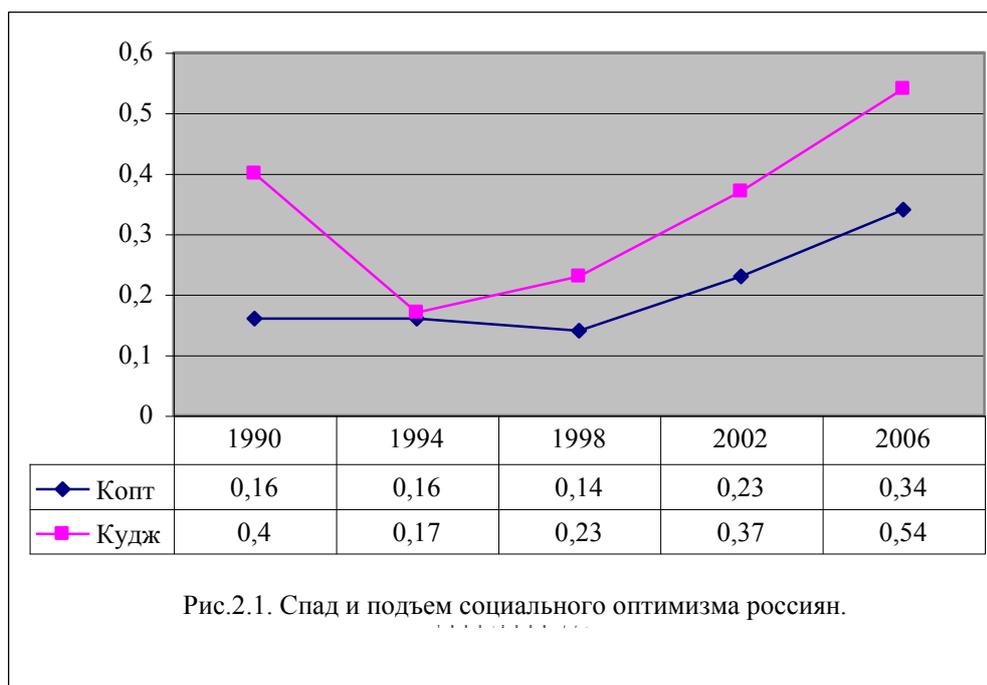
жилья, здравоохранения, пенсионного обеспечения и других, а самостоятельность при их решении, которая выросла в 90-е годы, стала снижаться – этот факт впервые определенно выявлен в 2006 г.

Асимметричное повышение – таков исходный диагноз динамики социального самочувствия россиян в настоящее время. Далее мы покажем его конкретные проявления.

2.2. Повышение социального оптимизма

Социальный оптимизм – наиболее очевидная составляющая самочувствия людей. Мы используем три вопроса для ее измерения: «Стали ли Вы и Ваша семья жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?»; «Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?»; «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?» Коэффициент социального оптимизма (*Копт*) получаем как среднюю трех частных коэффициентов, каждый из которых равен %% положительных ответов на эти вопросы.

Как видно из рис. 2.1, накануне распада СССР коэффициент *социального оптимизма* был низким (в 1990 г. *Копт* = 0,16) и медленно снижался до 1998 г. В этот период в среднем около половины респондентов считали, что они и их семьи стали жить хуже, чем в предыдущем году, около трети – что в предстоящем году будут жить еще хуже, и две трети выражали неуверенность в своем будущем. В целом людей, которые в 1990-1998 гг. по тем или иным аспектам пессимистически оценивали свое настоящее и будущее, было в 2-4 раза больше, чем оптимистов.

Напротив, с 1998 г. до 2006 г. доля россиян, пессимистически оценивавших уровень жизни своей семьи, снизилась в два-три раза (до 12-20%), а неуверенных в будущем – в 1,6 раза. В полтора-два раза выросла доля консерваторов – кто считает, что ничего не изменится, а о будущем нельзя что-либо сказать точно. А доля оптимистов по разным аспектам жизни увеличилась в 2-3 раза. В целом коэффициент оптимизма россиян к 2002 г. поднялся до 0,23, а к 2006 г. – до 0,34. Можно сказать, что по данной составляющей достигнут минимум, необходимый для устойчивости общества.

Другой показатель - *удовлетворенность своей жизнью в целом* - имеет результирующее значение для социального самочувствия людей. Мы получаем его коэффициент (*Кудж*) в виде %% положительных ответов на простой вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» Продолжительный опыт работы с этим коэффициентом свидетельствует о его высокой информативности.

Эмпирические данные мониторинга (см. рис. 2.1) показывают, что в начале постсоветского периода, на пике социетального потрясения (1991-1994 гг.), произошел резкий, почти в 2,5 раза спад удовлетворенности россиян своей жизнью в целом: *Кудж* опрокинулся с 0,4 до катастрофического уровня 0,17, т.е. из каждых 6 человек почти 5 испытывали неудовлетворенность своей жизнью в целом. Но с 1994 г. этот коэффициент стал повышаться по экспоненте (возрастал вдвое каждые 4 года, а за последнее четырехлетие - почти в 2,5 раза). В 2006 г. он достиг значения 0,54; следовательно, более чем каждый второй относительно удовлетворен своей жизнью в целом. Это в 1,35 раза

выше, чем в предкатастрофическом 1990 г., и составляет минимум, необходимый для устойчивости общества.

Но продолжится ли этот рост? Это зависит не только от повышения уровня жизни населения, но и от двух других составляющих социального самочувствия: защищенности россиян от главных опасностей и от их самостоятельности в решении своих жизненных проблем.

2.3 Сохранение незащищенности от главных опасностей

Уяснение проблем-опасностей как предпосылка изучения социального самочувствия населения.³¹

Начиная с 1990 г., через каждые 4 года, мы обращаемся к респондентам с вопросом: «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?» Перечень 11 опасных проблем изменился незначительно. Это позволяет проследить динамику ответов за 16 лет (см. рис. 2.2).

Уже два десятилетия самой острой для населения страны остается незащищенность перед *преступностью*. В наибольшей степени ее испытывают люди 45-54 лет, имеющие среднее специальное и незаконченное высшее образование, особенно руководители и рабочие. В 2006 г. с третьего места на второе вышла проблема *бедности*: страх перед нею охватил к 1998 г. около 80% населения страны и до сих пор сохраняется почти у 70% жителей. В наибольшей степени его испытывают люди старше 55 лет, неквалифицированные рабочие а наряду с ними многие специалисты-профессионалы, не адаптировавшиеся к рыночным условиям, и вообще те, у кого денег до зарплаты не хватает или вся она уходит на повседневные затраты. Опасность *экологических угроз* вплоть до 2002 г. лишь не намного уступала преступности; она довольно равномерно

³¹ Строго говоря, опасные для населения проблемы – один из аспектов научного направления «социальные риски и страхи». *Риск* есть индикатор на шкале «безопасность – опасность»; коэффициент риска – величина, обратная коэффициенту защищенности. По этой тематике существует обширная литература, зарубежная и отечественная. См.: У.Бек. Общество риска. М., 2000; О.Н.Яницкий. Социология риска. М., 2003; С.А.Кравченко, С.А.Красиков. Социология риска: полипарадигмальный подход. М., 2004.

Рис.2.2 Незащищенность россиян от опасных проблем

распространена среди различных категорий населения. Но в 2006 г. она существенно ослабла и переместилась на третье место, уступив бедности. Опасность от *произвола чиновников* мы начали фиксировать с 1998 г. С тех пор она сохраняет в самочувствии россиян четвертое место. В большей степени ее отмечают люди 45-54 лет, имеющие среднее специальное и высшее образование, руководители, специалисты-профессионалы и рабочие. Характеристику печальных свойств опасных проблем можно продолжить.

Уровень первых 4-х проблем-опасностей остается весьма высоким: до сих пор незащищенными перед ними чувствуют себя 60-70% россиян.

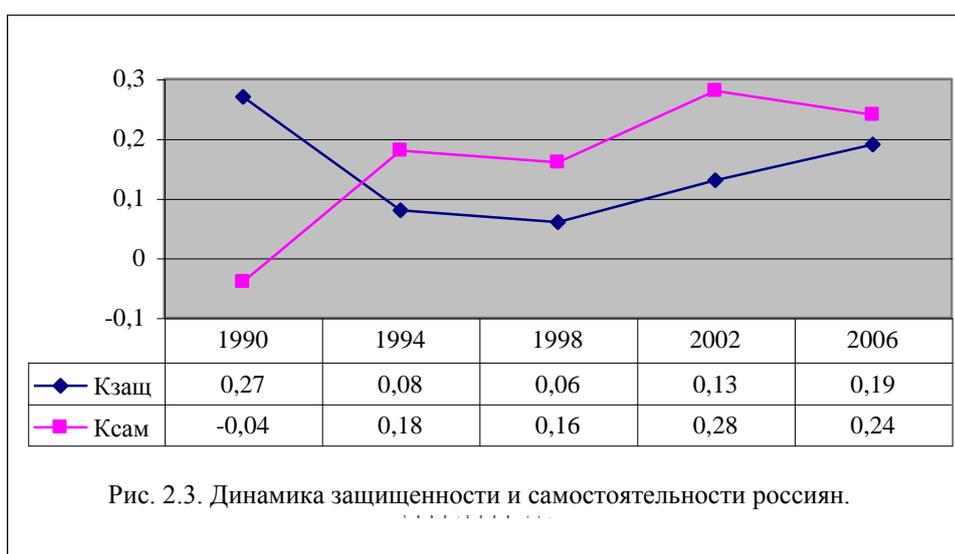
Динамика защищенности и самостоятельности россиян

Обратимся к позитивным аспектам двух интересующих нас составляющих социального самочувствия. При определении *степени защищенности* будем использовать %% положительно ответивших («защищен», «пожалуй, защищен») о своей защищенности от рассмотренных выше четырех главных опасностей. Подсчитав среднюю арифметическую положительных ответов, получим коэффициент защищенности (*Кзащ*), который позволяет судить и о степени незащищенности жителей от опасностей.

Другая составляющая - *степень самостоятельность индивида в решении проблем своей жизнедеятельности* – служит важным показателем самочувствия человека в современном обществе. Мы получаем информацию по этому показателю с помощью вопроса: «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит: от Вас самих, от региональных или федеральных властей». Коэффициент самостоятельности (*Ксам*) получаем путем вычитания средней положительных ответов респондента о его

зависимости от тех или иных властей (да, «зависит от»... других) из его положительных ответов о своей самостоятельности (да, «зависит от меня самого»).

Как видно из рис. 2.3, в 1990-1994 гг. коэффициент *защищенности от опасностей* упал в 3,4 раза, что вдвое больше, чем выросла рассмотренная выше незащищенность. С этого времени он устойчиво находится ниже других составляющих и существенно понижает общий уровень социального самочувствия россиян, вплоть до 2006 г. Наибольший вклад в это снижение вносит незначительная, близкая к нулю защищенность населения от преступности. Ее повышение к 2006 г. с 0,03 до 0,09 является, скорее, символическим результатом изменения методик отчетности органов МВД. Немногим выше остается защищенность от бедности и экологических угроз (по 0,15 в 2006 г.), а также от произвола чиновников (0,17). В целом в 2006 г. $K_{защ} = 0,19$; это означает, что $K_{риск} = 1 : 0,19 = 5,26$; налицо отставание примерно в три раза от того минимума, который необходим для устойчивости общества.

Коэффициент *самостоятельности* россиян в их жизнедеятельности ($K_{сам}$) сразу после 1990 г. значительно поднялся. Уже к 1994 г. на четверть увеличилось число россиян, которые осознали, что в условиях дикого рынка улучшение их жизни зависит прежде всего от них самих (не умеющие плавать вдруг оказались в мутном омуте). В то же время доля людей, испытывавших чувство зависимости от властей, к 1994 г. уменьшилась с 47% до 36%. Но с 1998 г. вновь стала расти зависимость: она поднялась сначала до 50%, а к 2006 г. – почти до 55%. С другой стороны, к 2002 г. доля людей, ориентирующихся на собственные силы, достигла почти 80%, а затем этот рост почти прекратился. В итоге, совокупный коэффициент самостоятельности россиян вновь стал снижаться: 2002-2006 гг. он опустился с 0,28 до 0,24. Теперь уже и он, вместе с низкой

защищенностью от опасностей, понижает социальное самочувствие россиян и удаляется от минимума, необходимого для устойчивости общества.

2.4. Понижение интенсивности общения, самооценки здоровья и материального положения

Одним из проявлений асимметрии социального самочувствия служит заметное, почти в 2 раза *снижение интенсивности слоевой близости* населения во всех ее видах (см. табл. 2.1), наблюдающееся в последние годы (2002-2006).

Таблица 2.1.

Понижение интенсивности слоевых близостей россиян*

Интенсивность близости	2002 г.			2006 г.		
	СЛОИ БЛИЗОСТИ	Киб	Ранги	Ранги	Киб	СЛОИ БЛИЗОСТИ (по меркам 2002 г.)
Высокая	Личная близость (друзья)	15,7	1	–		Отсутствует такая интенсивность
Выше Средней	Профессиональная (люди того же рода занятий)	9,6	2			Отсутствует такая интенсивность
	Возрастная (люди того же возраста)	9,17	3	–		
	Деловая (товарищи по работе, учебе)	9,11	4			
Средняя	Имущественная (люди такого же достатка)	8,2	5	1	8,3	Личная близость Возрастная Этническая
	Этническая (люди той же национальности)	7,3	6	2 3	6,0 4,1	
Ниже средней	Поселенческая (жители того же поселка, города)	3,6	7	4-5	3,9	Имущественная Профессиональная Деловая Поселенческая Гражданская Религиозная
		2,9	8	4-5 6	3,9 3,5	
	Религиозная (люди того же вероисповедания, религии)			7-8	2,6	
		Гражданская (граждане России)	-	-	7-8 9	
Низкая	«Общесоюзная» (все, кто были гражданами СССР)	1,4	9	10	1,6	«Общесоюзная»
	Общечеловеческая (все люди на Земле)	0,8	10	11	1,4	Общечеловеческая
Средний Киб		6,8			3,7	
<p>*Киб (коэффициент интенсивности близости) = $\frac{\% \text{ отметивших наличие близости}}{\% \text{ отметивших отсутствие близости}}$</p>						

В 2006 г., по сравнению с 2002 г., статистически уже не наблюдается слоевая близость высокой и выше средней интенсивности. Бросается в глаза, что Киб личной, дружеской близости, традиционно высокой в России, понизился с 15,7 до 8,3, т.е. до среднего уровня (по меркам 2002 г.), хотя этот вид близости и остался на 1-м месте в структуре слоевых близостей. Как обычно, максимальная дружеская близость, почти 100%, наблюдается среди молодежи (18-24 года), преимущественно студентов. Возрастная близость в целом поднялась на 2-е место, несмотря на некоторое снижение ее интенсивности. С 6-го на третье место передвинулась этническая близость. Эти

естественные виды близости, вместе с дружеской, составляют теперь верхний (по меркам 2002 г. - средний) уровень интенсивности.

Средний уровень интенсивности (по меркам 2002 г. – ниже среднего) характерен для, так сказать, цивилизационно-деятельных видов близости. Профессиональная близость понизилась в 2,5 раза и переместилась со второго места на четвертое-пятое, сравнившись с имущественной близостью; наиболее интенсивна она среди руководителей, а менее всего - среди специалистов-профессионалов. Некоторое повышение близости отмечено в «общесоюзных» (в отношении граждан Советского Союза) и общечеловеческих ее слоях, но в целом эти слои остались на последних местах, представляя низкую интенсивность слоевых близостей.

Снижение интенсивности общения и слоевой близости в целом соответствует характеру современного, модернистского сознания. На этапе постмодернизма вообще нарастает тенденция к индивидуализации общества с ее трудными проблемами.³² В России уже наблюдаются зарницы таких проблем.

Теперь посмотрим, как оценивают россияне свое здоровье и жилищные условия. Летом 2006 г. 20% респондентов свидетельствовали, что являются инвалидами и хроническими больными, еще 23% сказали, что болеют довольно часто и очень часто, - это чаще отмечали женщины старше 45 лет. Вместе с тем, 57% россиян считают, что болеют редко и имеют нормальное здоровье, - такой оптимизм выразили преимущественно мужчины до 45 лет; однако, учитывая традиционное невнимание российских мужчин к своему здоровью и высокую раннюю их смертность, есть сомнения в адекватности их ответов. Одновременно 57% населения в той или иной степени не удовлетворены качеством государственного медицинского обслуживания. 100% ответивших жалуются на то, что трудно попасть к врачу, большие очереди. Кроме того, 33-40% сетуют на недостаточную квалификацию врачей, на их невежливое, невнимательное обращение, а также на надобность платить за необходимую помощь.

Неудовлетворенность россиян качеством жилья в 2006 г. несколько снизилась по сравнению с 2002 г., но остается весьма высокой. Жилищный вопрос по-прежнему портит жизнь более 30% населения страны.

Это сказывается на *идентификации населения со своим регионом и со страной в целом*. На первый взгляд, нет оснований для серьезного беспокойства. Интенсивность поселенческой близости, как и религиозной, понизилась менее всего: как и в 2002 г., она осталась в группе слоев ниже средней интенсивности (см. табл. 2.2). Но коэффициент ее интенсивности – всего 2,6. В деревне он еще сохраняется достаточно высоким (4,0), а в

³² См.: Н.Элиас. Общество индивидов. М., 2001; З.Бауман. Индивидуализированное общество. М., 2002.

городе - лишь 2,2. Это означает, что из трех горожан двое чувствуют близость с другими жителями своего города, а третий – нет, он как бы одинокий (за пределами своей семьи, которая ценится очень высоко) или даже лишний в своем территориальном сообществе. Особенно это ощущают специалисты-профессионалы и технический персонал.

Социальное самочувствие своеобразно преломляется в чувствах населения по отношению к своей области/республике/краю (см. табл. 2.2.). Как видим, 82% россиян рады или в целом довольны тем, что живут в своем регионе – области, республике, крае. Но у остальных жителей разные настроения. Одним хотя и не нравится здесь жить, но они привыкли и не собираются никуда уезжать (4%). Еще 2% жителей хотели бы перебраться в другой регион. Это люди преимущественно молодые и зрелого возраста - до 34 лет; они имеют незаконченное высшее и высшее образование, специалисты-профессионалы и технический персонал. Еще примерно 2% людей такого же возраста, образованных, квалифицированных, преимущественно руководителей, хотели бы вообще уехать из России. Если учесть, что обычно уезжают семьями, то, получается, что хотели бы покинуть нашу страну не менее 6%, или около 8,5 млн. человек. Такое желание легитимировано современной структурой ценностей россиян: 65% респондентов определенно согласны с тем, что человек волен жить в той стране, где ему нравится.

Табл. 2.2.

**Чувства населения по отношению к своей области/республике/краю, 2006 г.
(в %% от ответивших)**

	РФ	Северо-Запад	Центральный	Приволжский	Южный	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Я рад, что живу здесь	42	42	41	54	46	41	30	20
В целом доволен, но многое не устраивает	40	48	41	35	44	35	43	35
Не испытываю особых чувств	7	4	7	5	5	9	14	17
Мне не нравится здесь жить, но привык и не собираюсь уезжать	4	2	3	4	3	5	7	7
Хотел бы уехать в друг. область/республику/край России	2	2	2	1	2	2	3	13
Хотел бы вообще уехать из России	2		2	1		1	2	8
Отказ от ответа	1	2	1				1	
Затрудняюсь ответить	1	1	2	1	1	7		

Отметим, что данные по федеральным округам имеют *предварительный характер*. Их анализ показывает, что самым низким уровнем региональной идентификации характеризуется население Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Именно здесь меньше всего людей, которые рады проживанию в своих регионах: лишь 30% сибиряков и 20% дальневосточников - по сравнению с 42% в среднем по России (в Южном и Приволжском округах таких людей оказалось, соответственно, 46% и 54%). С другой стороны, в этих округах больше всего людей (7%), которым здесь не нравится, но они не собираются уезжать, потому что привыкли. 13% жителей Дальневосточного ФО хотели бы уехать в другой регион, а еще 8% - вообще уехать из России (в среднем по РФ такие желания высказали по 2% респондентов). Следовательно, низкий уровень социального самочувствия населения сопровождается готовностью мигрировать в иные регионы страны и вообще эмигрировать из страны.

5. Контрасты доверия россиян институтам власти

Социальное самочувствие россиян сопряжено с их представлениями о правах и свободах человека, с их отношением к основным институтам власти.

Иерархия важности прав и свобод человека в сознании населения

Во всех пяти волнах мониторинга, начиная с 1990 г., содержался вопрос: «Насколько важно для Вас строгое соблюдение следующих прав и свобод в нашей стране?». Предлагался перечень из 11 прав и свобод, который сохранился без изменений в последующих опросах. По сути, это нормы действующей Конституции Российской Федерации, хотя в 1990 г. ее еще не существовало.

Респонденты выражали свое отношение к каждой позиции по 5-членной шкале: «очень важно», «довольно важно», «трудно сказать», «не очень важно», «совсем не важно». Данные об изменении рангов прав и свобод человека по их важности сведены в табл. 2.3. Перечень прав и свобод дан в соответствии с их рангами, полученными в 2006 г.

В 1990 г., когда в сознании россиян очень многое перевернулось, почти все права казались очень важными. К 1998 г. определились 5 очень важных прав и свобод, 4 - довольно важных и 2, о важности которых трудно сказать что-либо определенное.

Высший слой прав и свобод, соблюдение которых очень важно для россиян, включает:

- право на безопасность и защиту личности;
- право на личную собственность;
- равенство перед законом;
- право на труд;
- право на образование.

**Важность соблюдения прав и свобод человека
(изменения с 1990 г. по 2006 г.)**

Права и свободы	1990	1994	1998	2002	2006
Очень важные					
Право на безопасность и защиту личности	7	4	5	5	1
Право на личную собственность	4	5	4	4	2
Равенство перед законом	3	2	3	1	3
Право на труд	1	1	2	3	4
Право на образование	2	3	1	2	5
Право на собственный язык, культуру	5	7			
Религиозные свободы, свобода совести	6	-			
Право на тайну личной переписки, телеф. разг. и т.п.	8	6			
Довольно важные					
Право на тайну личной переписки, телефон. разг. и т.п.	-	-	6	6	6
Право на собственный язык, культуру	-	-	7	7	7
Религиозные свободы, свобода совести	-	8	9	9	8
Свобода слова	9	9	8	8	9
Право на эмиграцию	10	10			
Свобода объединений, союзов	11				
Трудно сказать					
Право на эмиграцию	-	-	10	10	10
Свобода объединений, союзов	-	11	11	11	11

Как видим, в правосознании сознании россиян запечатлены в качестве самых важных действительно важнейшие демократические завоевания всего человечества. Конечно, их ранговые места внутри этого слоя изменяются по мере изменения социально-политической ситуации в российском обществе и политико-правового сознания населения. Так, право равенства перед законом колеблется между первым и третьим рангами, право на труд – между первым и четвертым, право на образование – между первым и пятым рангами. Наибольший размах колебаний обнаруживает право на безопасность и защиту личности; тот факт, что в 2006 г. это право оказалось на первом месте, подтверждает приведенные выше данные об очень низкой защищенности россиян от преступности.

Среди «довольно важных» прав и свобод изменения менее значительны. Последним в данной номинации чаще всего находится право на свободу слова.

Общий список прав и свобод устойчиво замыкают права на эмиграцию и на свободу объединений, союзов. Это возбуждает немало вопросов, поскольку свобода объединений, союзов служит одной из опор демократии.

Нарушаемость прав и свобод человека в России

В дополнение к вопросу о важности прав и свобод был задан вопрос: *Сталкивались ли Вы с нарушениями следующих прав и свобод и как Вы поступали в таких случаях?*

Это - вопрос о том, как реализуются декларируемые Конституцией права и свободы. Тем, кто сталкивался с нарушениями, предложено ответить по такой шкале: не пытался отстаивать нарушенные права; чаще удавалось отстоять нарушенные права; чаще не удавалось их отстоять; никогда не удавалось это сделать; или же стандартные «не знаю», «отказ от ответа».

Полученная информация обобщена по трем параметрам: 1) степень нарушаемости прав и свобод (C_n), т.е. доля (в %) тех, кто сталкивался с нарушениями прав и свобод, по отношению ко всем опрошенным; 2) коэффициент интенсивности отстаивания нарушенных прав и свобод ($K_{инт}$); 3) коэффициент успешности отстаивания этих прав и свобод ($K_{усп}$). При этом:

$$K_{инт} = \frac{\% \text{ тех, кто отстаивал нарушенные права}}{\% \text{ всех, кто сталкивался с нарушениями}} ;$$

$$K_{усп} = \frac{\% \text{ тех, кому удавалось отстоять нарушенные права}}{\% \text{ всех, отстаивал нарушенные права}} .$$

Обобщенные результаты представлены в табл. 2.4. Перечень прав и свобод дается в ней в соответствии с ранжированием их важности в 2006 г., охарактеризованным в предыдущем подразделе. Кроме того, по каждому параметру представлено свое ранжирование прав и свобод: ранги их нарушаемости (P_n); ранги интенсивности отстаивания нарушенных прав и свобод (P_u); ранги успешности такого отстаивания (P_y).

Анализ отчетливо показывает тенденцию асимметрии, которая характерна как для 2002, так и для 2006 гг.: чем важнее то или иное право для граждан России, тем чаще оно нарушается. Лидирующие по важности пять прав и свобод находятся в числе первых шести наиболее нарушаемых – они выделены в таблице 7 светло-серым цветом.

Менее выражена, но также наблюдается другая асимметрия: очень важные права и свободы интенсивнее защищаются, но с меньшим успехом, чем права-аутсайдеры. По интенсивности защиты от нарушений на первых местах также находятся права-лидеры: безопасность и защита личности; личная собственность. Впрочем, и некоторые аутсайдеры: свобода объединений, союзов (3-й ранг в 2006 г.) и свобода слова (4-й ранг). А по успешности защиты выделяется среди очень важных лишь право на личную собственность (2-й ранг в 2006 г.); в 2002 г. - также и право на образование (3-й ранг). Наиболее успешно отстаиваются в 2006 г. такие аутсайдеры, как права на эмиграцию (1-й ранг) и на свободу объединений, союзов (3-й ранг). На среднем уровне удается населению защищать право на родной язык, культуру.

Табл. 2.4.

Нарушаемость прав и свобод человека в России: 2002 и 2006 гг.

Ранги важности		ПРАВА И СВОБОДЫ	Нарушаемость прав и свобод		Интенсивность защиты		Успешность защиты	
			<i>Рн</i>	<i>Сн (%)</i>	<i>Ри</i>	<i>Ки</i>	<i>Ру</i>	<i>Ку</i>
2002	2006		2002 2006	2002 2006	2002 2006	2002 2006	2002 2006	2002 2006
2	1	Право на безопасность и защиту личности	1 2	37,6 26	3 1	0,75 0,68	9 7	0,43 0,45
3	2	Право на личную собственность	3 4	22,6 16	2 2	0,82 0,71	5 2	0,48 0,57
1	3	Равенство перед законом	4 1	22,2 26	1 7-9	0,99 0,52	11 10	0,27 0,42
4	4	Право на труд	2 3	30,1 23,0	5 6	0,71 0,55	7 9	0,45 0,48
5	5	Право на образование	6 6	18,0 14,0	6 5	0,69 0,59	3 8	0,53 0,47
6	6	Право на тайну личной переписки и т.п.	8 8	9,3 7,4	9 7-9	0,61 0,52	8 5-6	0,44 0,31
7	7	Право на свой язык, культуру	9 9-10	8,8 6,2	10 10	0,60 0,55	2 5-6	0,55 0,31
9	8	Свобода совести, религиозные свободы	7 9-10	10,1 6,2	11 11	0,53 0,50	1 11	0,59 0,24
8	9	Свобода слова	5 5	20,7 14,3	4 4	0,74 0,60	10 4	0,38 0,57
10	10	Право на эмиграцию	11 10	4,6 5,2	7 9	0,67 0,52	6 1	0,5 0,58
11	11	Свобода объединений, союзов	10 7	7,3 7,9	8 3	0,62 0,66	4 3	0,5 0,37
		Среднее значение = = сумма/11		17,4 13,6		0,70 0,58		0,46 0,33

Явную асимметрию мы наблюдаем в отношении *права равенства граждан перед законом*. Подчеркнем: статья 19 Конституции РФ гласит: «1. Все равны перед законом и судом». Именно так и воспринимают это право граждане России: равенство не просто перед абстрактным законом, а перед судом по конкретному делу. По результатам рассмотрения дел в судах и судят граждане о реализуемости или нарушаемости этого права. Это фундаментальное право - самое нарушаемое; интенсивность гражданской его самозащиты была в 2002 г. максимально высокой, а ее успешность – минимально низкой (11-й ранг); и вот теперь интенсивность самозащиты снизилась до уровня ниже среднего.

К числу наиболее нарушаемых относится *право на безопасность и защиту личности*. Несмотря на некоторое снижение, в 2006 г. каждый четвертый респондент (24%) отметил, что сталкивался с подобными нарушениями. Что это за нарушения? Прежде всего, преступления против личности, вплоть до убийств. А по успешности

защиты и наказании преступников это право оказывается во второй половине изучаемых прав и свобод.

Кризис доверия граждан государственным институтам сохраняется

Необеспеченность права на безопасность и защиту личности оборачивается критически низким доверием граждан к важнейшим государственным институтам.

К 1990 г. уровень доверия граждан институтам советской власти уже был серьезно подорван как ее собственными слабостями, так и сознательными действиями элит и анти-элит времен перестройки. К тому времени процесс снижения этого доверия продолжался второе десятилетие и достиг, как многим тогда казалось, едва ли не предела. Из рис. 2.4. видно, что 7 из 9 важнейших институтов советской власти пользовались доверием лишь около 40% населения. А политические партии и движения, 11 из которых были зафиксированы тогда в нашем опросе, в среднем получили доверие лишь около 21% населения, т.е. в два раза меньше, чем государственные организации. КПСС доверяли 32%, а оппозиционная ей Демократическая платформа в КПСС уже имела доверие 28% населения. С большим отрывом от всех них, максимальным доверием пользовалась к тому времени церковь (59%).

И вот, миновали драматичные 90-е годы. Законодательно закреплены, в той или иной мере реализуются демократические принципы разделения властей и их избрания. Но доверие населения к этим властям к 2002 г. не только не повысилось, а стало в полтора – три раза ниже. Доверие милиции, парламенту и политическим партиям и сейчас остается самым низким в системе институтов власти; оно осложняется недоверием населению «этой

страны» со стороны самих акторов институтов, которые тем самым тормозят позитивное развитие процесса взаимного доверия в российском обществе. Другое дело - доверие церкви, которое поднялось почти до уровня 1990 г., а доверие Президенту почти достигло 70%.

Взаимное недоверие населения и акторов социальных институтов явилось результатом комплекса причин. Среди них одной из наиболее значимых стала культурная травма, которую испытала Россия на изломе своей судьбы в конце 80-х – начале 90-х годов. Характеристика этой травмы дана в начале этого раздела. Не удивительно, что глубокий и масштабный ее характер вызвал дезорганизацию социальных институтов, взаимное недоверие населения и институтов, особенно институтов власти.

Но и такие травмы можно преодолеть. Вначале можно с помощью СМИ реинтерпретировать ситуацию, чтобы изменить восприятие населением изменений, вызвавших травму. Но по-настоящему эффективным является укрепление новых ценностей, норм и образцов действий в нашей стране.

* * *

Таким образом, в 1990-1994 гг. произошел спад позитивного социального самочувствия россиян, который продолжался до 1998 г. и в дальнейшем сменился подъемом. К 2006 г. его уровень поднялся с критически низкого, грозившего распадом целостности страны ($M_k = 0,15$ в 1994-1998 гг.), до 0,33, что в среднем соответствует нормативному минимуму, необходимому для целостности общества. Однако наблюдается **асимметричное повышение социального самочувствия россиян**: на полпути до необходимого минимума остается защищенность людей от преступности, бедности, других опасностей, а также стала удаляться от должного минимума степень самостоятельности российских граждан в своей жизнедеятельности, нарастает их зависимость от федеральных и региональных властей. Это означает, что структура социального самочувствия россиян в целом еще далека от минимума, требуемого для устойчивой целостности страны, общества.

Раздел 3.
СОВМЕЩЕНИЕ И ДРЕЙФ
КУЛЬТУРНО РАЗЛИЧНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ВЕКТОРОВ

3.1. Совмещение культурно различных типов ценностей

**От авторитарного монизма
к плюрализму базовых ценностей**

Одна из фундаментальных характеристик человека заключается в его *потребности и способности оценивать* качества других людей и предметов окружающего мира. Эта способность реализуется благодаря совокупности ценностей, которые усваивает и использует каждый человек. Среди них выделяются *базовые ценности* – обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм поведения людей. Ценности-цели называются терминальными, а ценности-средства – инструментальными.

Ценности сопряжены с совокупностью потребностей и интересов членов общества. Интересы людей, вырастая из их потребностей, обычно сосредоточиваются на дефицитных ресурсах и выражаются в борьбе за эти ресурсы между индивидами и социальными группами. Напротив, основная функция ценностей, как и культуры в целом, состоит в формировании консенсуса в обществе. Наряду с языком, они образуют ядро культуры, предпосылку и основу взаимопонимания и взаимодействия между людьми, членами общества. Конечно, если в одной стране (обществе-государстве) существуют разнородные культуры, то их столкновения могут сопровождаться драматичными социальными конфликтами. Но их можно избежать, если в отношениях между культурами сформируется толерантность на основе общих ценностей. Например, в Западной Европе после Тридцатилетней войны утвердилась толерантность во взаимоотношениях католиков и протестантов на основе общехристианских, а также совокупности светских ценностей.

Как и в советское время, базовые ценности населения современной России существуют и эволюционируют в духовном пространстве, которое представляет собой не столько структурированное общественное мнение, сколько диффузное *массовое сознание*. Уже в «эпоху Брежнева», несмотря на формальное сохранение идеологической монополии КПСС, начался драматичный «сдвиг по фазе» структуры базовых ценностей населения. Как показал современный, вторичный анализ исследований общественного мнения, проведенных в советском обществе, фактическое снятие с повестки дня исторической задачи построения «нового общества» «лишило миллионы людей понимания того, во имя чего теперь следовало жить, ради достижения каких целей, в

каких формах»; стал повышаться удельный вес «традиционных общечеловеческих ценностей в ущерб так называемым «социалистическим».³³

В постсоветской России эволюция базовых ценностей населения ускорилась – уже достаточно свободно, без идеологического диктата с чьей-либо стороны. Об этом свидетельствуют результаты мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня», осуществляемого с 1990 г. Из модели ценностей, изучаемых по программе мониторинга (табл. 3.1), видно, что они представляют *три культурных типа*: традиционные, общечеловеческие, современные (модернистские, либеральные).³⁴

Табл. 3.1.

Культурные типы изучаемых базовых ценностей россиян

	Традиционные	Общечеловеческие	Современные
<i>Терминальные</i>	Традиция Семья	Порядок Благополучие Работа	Жизнь Свобода
<i>Инструментальные</i>	Жертвенность Своевольность	Общительность Нравственность Властность	Независимость Инициативность

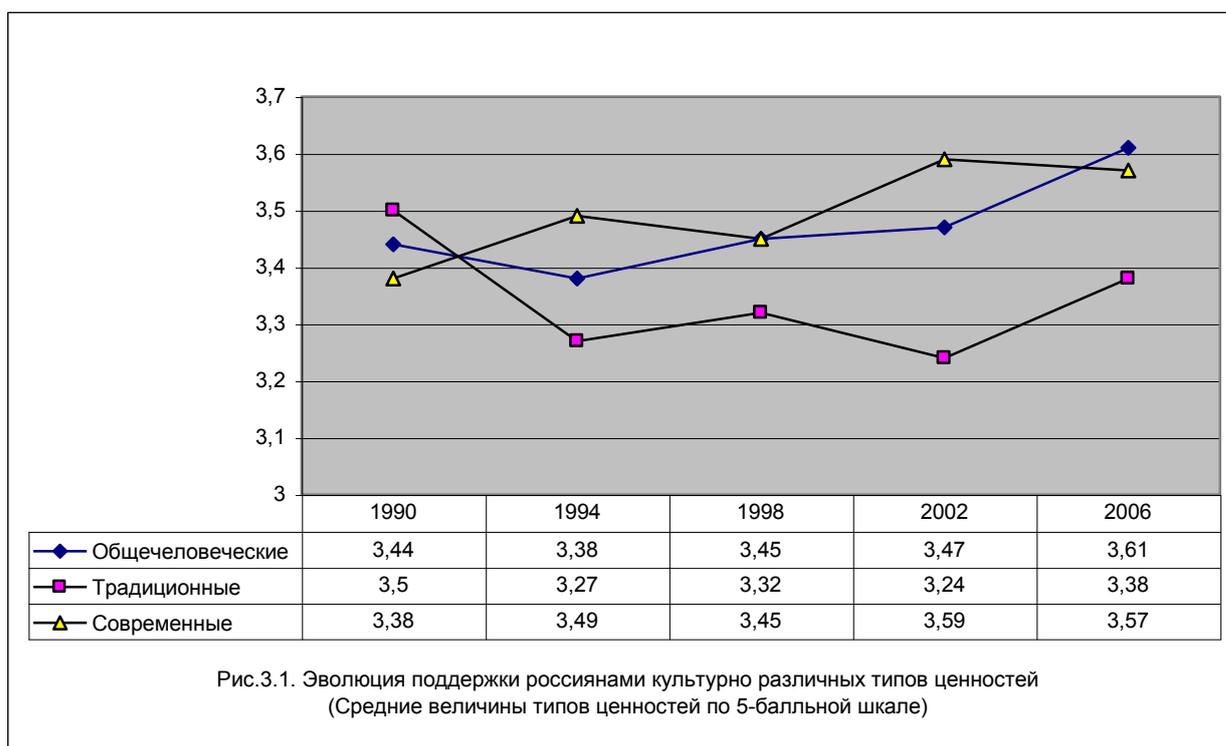
Результаты исследований показали, что на постсоветском этапе в сознании россиян сформировалось динамичное *совмещение всех трех культурно различных типов ценностей*. При этом среди высших, терминальных ценностей преобладают традиционные и общечеловеческие, а среди более прагматичных, инструментальных ценностей – современные. Но в целом в структуре базовых ценностей постепенно растет влияние современных и общечеловеческих компонент; обе эти типа ценностей эволюционируют, переплетаясь друг с другом и постепенно отдаляясь от ценностей традиционного типа (см. рис. 3.1).

Совмещение трех типов базовых ценностей представляет собой результат свободной эволюции массового сознания россиян. Она спонтанно совершается под влиянием политической и социально-экономической трансформации российского общества. В ней можно выделить три этапа: 1) рационализация, модернизация структуры ценностного сознания россиян (1990-1996 гг.); 2) частичный возврат этой структуры к советскому прошлому, ретрадиционализация (1996-1999 гг.); 3) стабилизация

³³ См.: *Б.А.Грушин*. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Жизнь вторая. Эпоха Брежнева. Часть 2. М., Прогресс-Традиция. М., 2006. С. 858-859.

³⁴ Эти ценности измеряются в мониторинге с помощью 44-х суждений, которые содержат необходимые ценностные аспекты. Респонденты определяют степень своего согласия/несогласия с предложенными суждениями по 11-балльной шкале. Для конкретных задач мы преобразуем шкалу в 5-балльную и 3-балльную.

своеобразного баланса культурно различных типов ценностей, современное их «примирение», или взаимная толерантность (с 2000 г. по настоящее время).

Уровень поддержки ценностей мы определяем на основе согласия/несогласия респондентов не просто с отдельными словами, а с суждениями, которые содержат соответствующие ценностные аспекты. В табл. 3.2 приведены примеры ценностных суждений, демонстрирующие характер их поддержки – максимальной и минимальной. Приведены результаты нескольких способов измерения поддержки: средняя, медиана, %% согласия и несогласия. Анализ этих способов показал, что общие тенденции поддержки полнее характеризуют средние величины, а особенности более четко фиксируются с помощью процентов респондентов, выразивших дифференцированную позицию по отношению к тому или иному суждению – согласие, несогласие, колебания.

Обратим внимание на то, что во всех опросах, даже, казалось бы, в отношении совершенно ясных суждений, находятся люди, которые либо отвечают «не знаю, трудно сказать», либо отказываются от ответа. Это означает, что по данным аспектам они выключены из сферы *общественного* сознания, отчуждены от него. Вместе с тем, по всем суждениям значительная доля населения придерживается промежуточных, колеблющихся позиций, что свидетельствует о низкой определенности самого ценностного сознания общества – закономерном результате того, что отсутствует рациональный дискурс относительно базовых ценностей россиян.

Тем не менее, пять опросов, проведенных в рамках мониторинга в 1990-2006 гг., позволяют выделить достаточно устойчивую *иерархию* базовых ценностей населения России. Тремя разными способами (средняя, медиана, % согласия и несогласия) получены

Табл. 3.2.

Характер поддержки ценностных суждений
(2006 г., по 5-балльной шкале)

Ценностные суждения	Средняя	Медиана	Станд. отклонения	Согласны (%)	Не согласны (%)	Нет ответа (%)
А. Максимально поддержаны						
45. В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения	4,51	5	0,98	71	2	2
46. Люди и государство должны больше всего заботиться о детях	4,69	5	0,79	81	1	2
51. В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была спокойная совесть и душевная гармония	4,55	5	0,97	73	2	4
56. Люди и государство должны заботиться о стариках не меньше, чем о детях	4,71	5	0,78	82	1	2
Б. Минимально поддержаны						
30. Смысл жизни человека в том, чтобы сделать свою собственную жизнь как можно лучше, и совсем не обязательно иметь потомков	2,09	1	1,49	12	55	3
59. Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других	2,24	2	1,44	9	43	8
61. Трудовая состязательность, борьба способностей важнее взаимопомощи и поддержки	2,54	2	1,54	16	35	10
69. Важно бороться до победы над теми, кто придерживается других взглядов, ориентаций	2,39	2	1,57	14	41	12

весьма похожие 4 уровня этой иерархии. Примем за основу средние величины поддержки ценностей.

1) *Интегрирующее ядро* базовых ценностей (поддержка свыше 4-х баллов из 5) консолидирует свыше 60% населения. Его устойчиво образуют две терминальные ценности: традиционная ценность *семьи* и общечеловеческая ценность *порядка*.

2) Наряду с ядром, пульсирует *интегрирующий резерв*: он включает ценности, которые имеют поддержку 3,41 – 4,0 балла и консолидируют 45-60% населения. Если в 1990 г. этот резерв включал 7 ценностей, то в 1994 г. он уменьшился на 2 ценности, а к 2002 г. восстановил свой состав, но в ином иерархическом порядке. Из двух традиционных ценностей в нем осталась одна; к двум общечеловеческим ценностям (*работа* и *взаимопомощь*) из нижнего слоя поднялась третья (*благополучие*). Современные ценности *независимости* и *инициативности* поднялись с 6-7-го на 4-5-е места, но ценность *свободы* осталась на замыкающей позиции резерва.

3) В *оппонирующем дифференциале* (2,8–3,4 балла, поддержка 30-45% населения) совмещаются: традиционная *жертвенность*, современная *жизнь* и общечеловеческая *нравственность*.

4) *Конфликтогенная периферия* базовых ценностей (менее 2,8 балла, менее 30% поддержки населения) устойчиво включает традиционалистскую *своевольность* (или вседозволенность как псевдосвободу) и общечеловеческую *властность*. Однако, последняя в 2006 г. поднялась на ступеньку выше и вошла в оппонирующий дифференциал. Надолго ли?

В четырехуровневой структуре базовых ценностей совмещаются различные их культурные типы: традиционные, общечеловеческие, современные. Такое совмещение чревато конфликтами, которые действительно возникают и временами обостряются. Вместе с тем, опрос 2006 г. показал значительное снижение доли крайних, максимальных поддержек и отрицаний ценностных суждений респондентами. Посмотрим на динамику медианных значений всех 44-х ценностных суждений по 5-балльной шкале (табл. 3.3). Видно, что с 1990 по 2002 гг. росло число медиан, характеризующих суждения, по которым половина ответов имеют альтернативный характер (1 или 5 баллов), и уменьшалось число неальтернативных ответов (2, 3, 4 балла). Но к 2006 г. их соотношение резко изменилось в пользу неальтернативных ответов: 24 – 20 вместо 36 – 8 в 2002 г.

Табл. 3.3.

Динамика количества медианных (Me) значений альтернативных и неальтернативных ответов респондентов (1990-2006 гг.)

Характер значений Me	1990	1994	1998	2002	2006
Альтернативные (1 или 5 баллов)	20	26	32	36	24
Не альтернативные (2, 3, 4 балла)	24	18	12	8	20
Средний уровень медианных значений	3,73	3,72	3,87	3,97	3,99

Этот феномен нуждается в тщательном анализе, возможны различные его интерпретации. Первая из них: предположить, что нарастает индифферентность россиян к ценностям. Но возможно и иное объяснение: *повышается толерантность* населения в отношении к иным, не разделяемым ценностям; соответственно, *в российском обществе происходит стабилизация баланса культурно различных типов ценностей*.

Такое объяснение обнаруживает, что существует ценностная предпосылка подъема позитивного социального самочувствия россиян: снижение уровня ценностного противостояния, толерантное взаимодействие с людьми, придерживающимися иных ценностей, более комфортно для оптимистичного самочувствия людей, чем нарастание этого противостояния или ценностное безразличие. Повышение толерантности

соответствует и общей тенденции балансируемого совмещения различных типов ценностей, взаимного их «примирения», которое можно оценивать как исторически значимое для дальнейшего развития России.

3.2. Плюрализм ценностных позиций

Важным механизмом такого баланса стала *плюрализация* российского ценностного пространства, которое дифференцировалось на множество ценностных позиций. Факторный анализ показал, что число главных факторов, аккумулирующих более 50% всех изучаемых ценностных аспектов, увеличилось в 1990-1998 гг. с 11 до 15; к 2006 г. оно сократилось вновь до 11. Анализ ценностных аспектов, из которых состоят эти факторы, позволил идентифицировать их как *реальные ценностные позиции* социокультурных групп общества, отличающиеся от ценностей как *обобщенных идеалов* индивидов. Их перечень приведен в табл. 3.4.

Табл. 3.4.

Основные ценностные позиции россиян (2006 г.)

Ценностные позиции, их ранги по уровню поддержки	Уровень поддержки*	% дисперсии
1. Повседневный гуманизм	9,08	10,88
2. Толерантная взаимопомощь	8,48	4,002
3. Прагматичный не патриотизм	8,21	3,275
4. Свободное трудолюбие	8,1	2,980
5. Нравственный скептицизм	7,71	3,813
6. Работа ради благополучия	7,69	3,796
7. Достижительный индивидуализм	7,37	5,291
8. Нравственная самореализация	7,11	4,417
9. Безоговорочный гуманизм	7,1	4,009
10. Нравственный пессимизм	6,82	3,662
11. Корыстное властолюбие	5,23	6,373
	Средняя = 7,54	Итого: 52,497
* Уровень поддержки позиций населением измерен по 11-балльной шкале.		

С 1990 г. на первых местах по уровню поддержки населением и по весу в совокупности факторов были и остаются позиции, имеющие четкую гуманистическую ориентацию в повседневной жизни людей. Если в первой половине 90-х годов эти позиции были раздроблены, то к настоящему времени возник феномен

консолидированного повседневного гуманизма, который по факторной нагрузке (10,88) почти в 2 раза опережает остальные позиции.

Чтобы понять содержание консолидированного гуманизма, воспользуемся результатами корреляционного анализа. Различия в силе взаимосвязей между аспектами данной позиции позволяют выделить в ней три слоя компонентов (см. рис. 3.2).

Первый из них может рассматриваться как ядро всей макропозиции: это забота о продолжении рода, о детях и родителях, о хороших семейных и дружеских взаимоотношениях. Ядро окружено вторым, срединным слоем, который включает: верность традициям, спокойную совесть, личную безопасность на основе закона. Третий, периферийный слой образуют такие аспекты: правдивость, адаптацию к обстоятельствам, соотнесение личной жизни со своим поколением, при этом оценивая ее по собственным меркам.

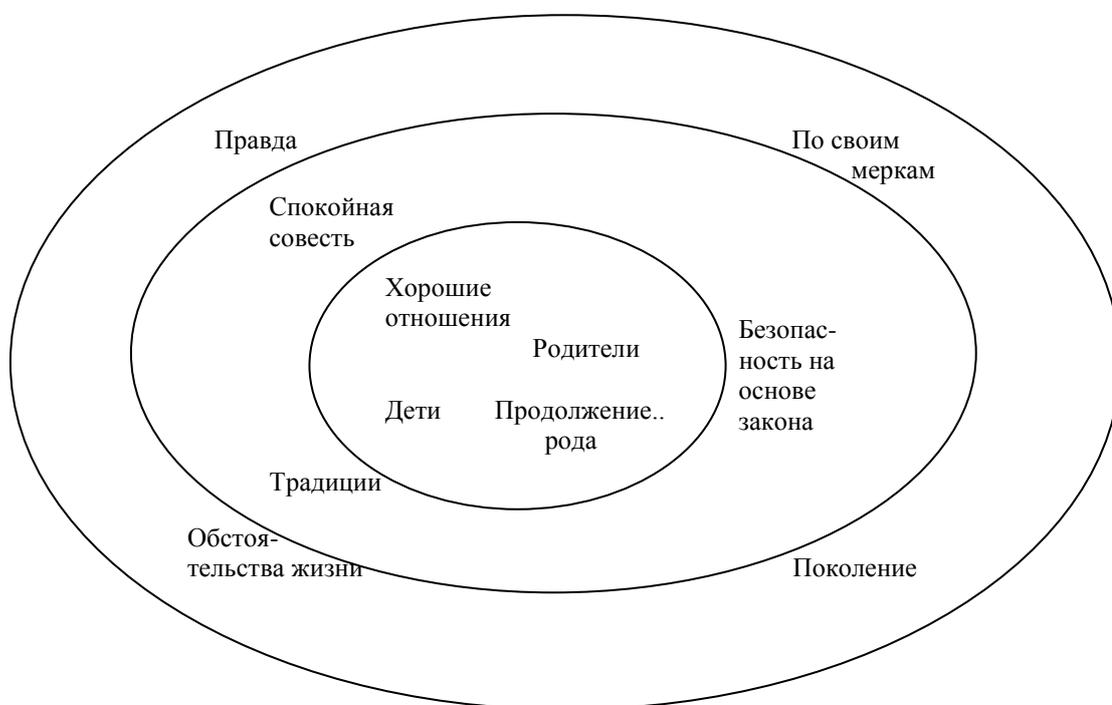

Рис. 3.2. Структура консолидированной макропозиции «повседневный гуманизм».

Таким образом, в настоящее время *повседневный гуманизм* – это комплексная макропозиция россиян. Она основана на убеждении в важнейшей роли семьи и нравственных отношений между людьми, на уважении традиций и необходимости обеспечивать безопасность человека путем соблюдения законов страны. Она предполагает определяющее влияние на человека обстоятельств его жизни, необходимость для каждого соотносить свою жизнь с жизнью своего поколения и вместе с тем – оценивать ее по собственным критериям.

Это преимущественно традиционная, во многом общечеловеческая позиция, открытая новым ценностям современного гуманизма. Ее приемлет большинство населения России, что свидетельствует о ее интегрирующей миссии в обществе. Она разлита в ценностном сознании масс как наиболее значительная его составляющая, которая не доминирует в этом сознании, а балансирует плюрализм других ценностных позиций, отчасти проникая в них.

По уровню поддержки населением к нему примыкает позиция *толерантной взаимопомощи*. Близка к ним либеральная позиция *свободное трудолюбие*, в которой предпочтение содержательного труда совмещается с приверженностью к свободе. Однако заметно отстают по уровню поддержки более строгие гуманистические позиции: нравственная самореализация, даже в ущерб своему благополучию; и безоговорочный гуманизм, отрицающий чье-либо право лишить человека жизни, в том числе смертную казнь по решению суда.

Наряду с этим, сохраняют дифференцированное влияние *модернистские* позиции: прагматичный не патриотизм, работа ради благополучия, достижительный индивидуализм, корыстное властолюбие. Небольшую, но устойчивую нишу заняли позиции нравственного скептицизма и пессимизма.

В целом, ценностный плюрализм позволяет россиянам делать тот или иной выбор своей позиции, не опасаясь культурного остракизма. Это служит благоприятным климатом для «примирения», стабилизации баланса культурно различных типов ценностей. Вместе с тем, соотношение ценностных позиций и ценностей далеко не прозрачно.

Так, различные аспекты ценности *свобода* представлены в трех ценностных позициях. Наиболее значимой из них является достижительный индивидуализм: его терминальный аспект составляет равенство возможностей для свободного проявления способностей. Во-вторых, свобода как возможность человека самому решать, в какой стране ему лучше жить, представлена в позиции прагматичного не патриотизма. В-третьих, свобода как смысл жизни очень тесно связана с отношением к содержательному труду как основному делу жизни, так что эти два компонента образуют перспективную позицию *свободное трудолюбие* – уже сейчас ее поддерживают 52% россиян.

К сожалению, эволюция ценностей в современном российском обществе не сопровождается дискурсом, который был бы ориентирован на формирование консенсуса относительно содержания базовых ценностей и ценностных позиций, предпочтительных для «хорошего общества».

3.3. Дрейф ценностей между мотивационными осями

В современной социологии и социальной психологии используется теория двух универсальных мотивационных осей, которые своеобразно структурируют совокупность базовых ценностей, а в известной мере и ценностных позиций. **Ось АЭ** имеет своими полюсами альтруизм и эгоизм, которые понимаются весьма широко, без негативных оценок: эгоизм – это усиление самого себя; альтруизм – поддержка, которую индивид оказывает не только себе, но и другим людям. **Ось ИК** имеет своими полюсами: открытость изменениям и сохранение существующего (консерватизм). Эти оси обычно располагают перпендикулярно друг другу, что позволяет сконструировать универсальное ценностно-мотивационное пространство (см. рис. 3.3). С каждым полюсом можно соотнести определенную совокупность базовых ценностей.

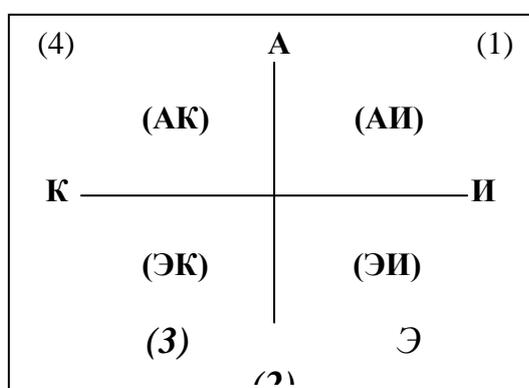

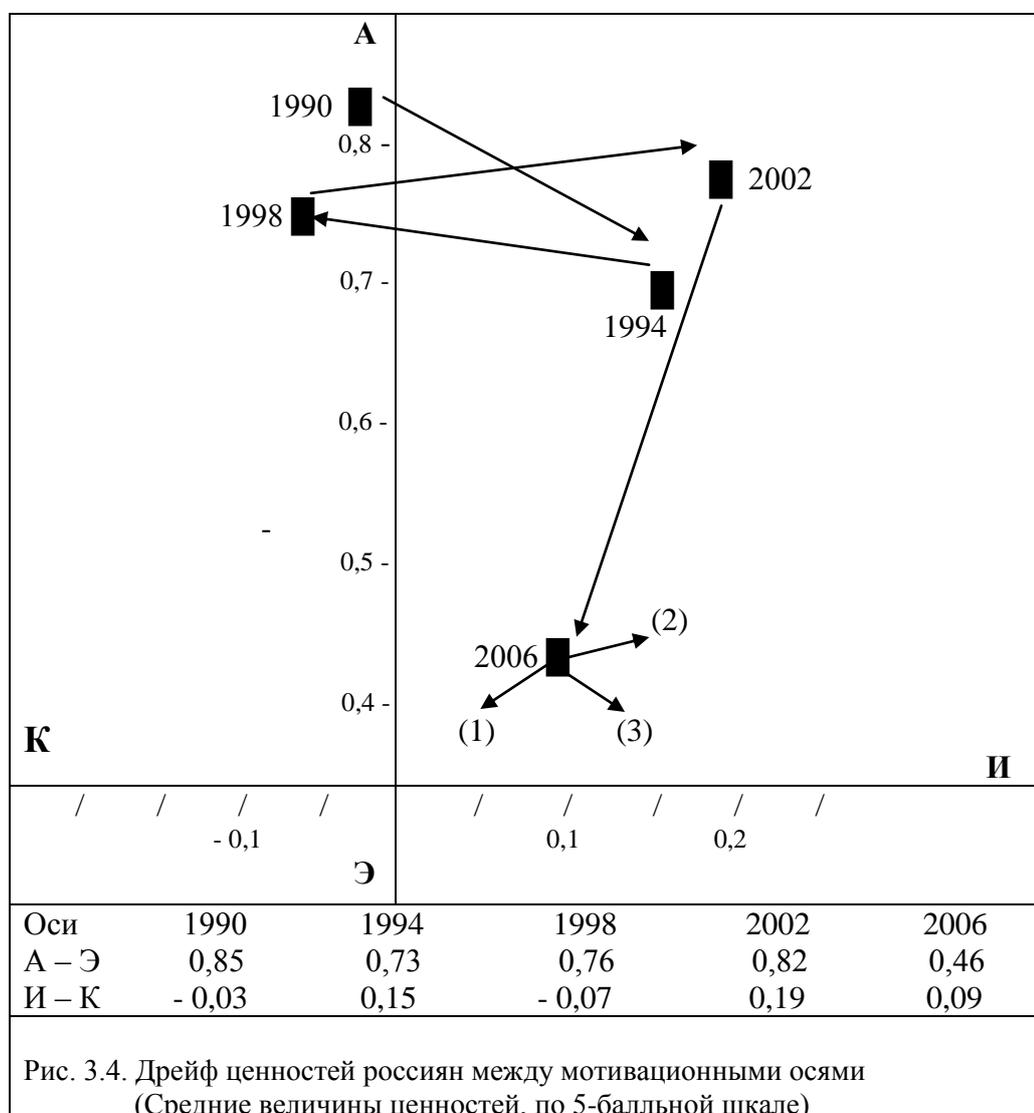
Рис. 3.3. Ценностно-мотивационное пространство на осях АЭ (альтруизм-эгоизм) и ИК (открытость изменениям, инновационность – сохранение существующего, консерватизм).

Ортогональное пересечение этих осей создает универсальное мотивационное пространство. В нашей интерпретации, оно включает 4 квадранта: (1) альтруистско-инновационный (АИ); (2) эгоистско-инновационный (ЭИ); (3) эгоистско-консервативный (ЭК); (4) альтруистско-консервативный (АК). Если измерить уровень поддержки изучаемых ценностей населением данной страны, то совокупность этих ценностей получит определенное место в мотивационном пространстве.

По своему ценностному содержанию *позитивны* обе оси, все четыре их полюса. Вместе с тем, по мере того, как изменяется поддержка населением тех или иных ценностей, их место в структуре ценностей, изменяется и взаимное соотношение полюсов названных осей, их относительное влияние на поведение людей. Соответственно, изменяется структура ценностно-мотивационного пространства, положение в нем соответствующих совокупностей ценностей.

Это не абстрактная теория. Она опирается на исследования, проведенные в последние полтора десятилетия в 70 странах Запада и Востока, и используется в Европейском социальном исследовании (European Social Survey – ESS), которое с 2002 г. проводится каждые два года более чем в 20 странах Европейского союза.³⁵ Часть ценностей, данные о которых мы получаем в нашем мониторинге с 1990 г., также можно структурировать по этим мотивационным осям-полюсам. Это расширяет возможности интерпретации наших данных, позволяет дифференцировать ценностно-мотивационное пространство России по макрорегионам и сопоставлять его с европейскими странами.

Заполним обрисованное выше ценностно-мотивационное пространство данными нашего мониторинга о динамике ценностей. В итоге мы получили картину сложного дрейфа ценностей россиян между мотивационными осями с 1990 по 2006 г. (см. рис. 3.4).

³⁵ См.: Schwartz S.H. Human values // Образовательная программа международного сравнительного проекта European Social Survey – ESS // <http://www.europeansocialsurvey.org>

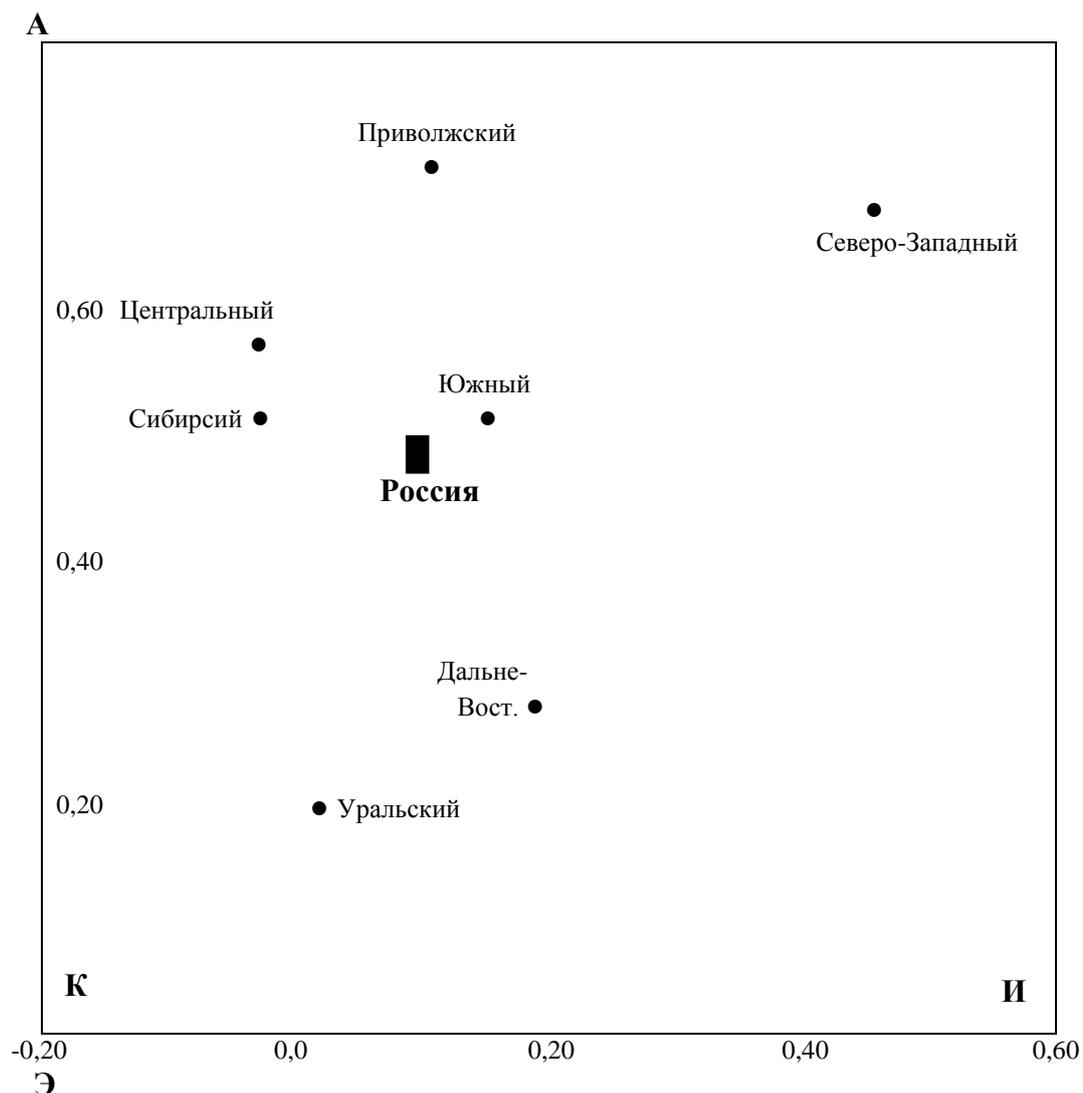
В 1990 г. совокупность мотивационных ценностей находилась в отчетливо консервативной и альтруистичной точке рассматриваемого нами пространства. Дальнейший дрейф представлял собой серию зигзагов. Сначала возобладал либеральный вектор: больше эгоизма и инноваций (от 1990 к 1994 г.). Затем произошел крутой поворот: больше консерватизма при прежнем альтруизме (от 1994 к 1998 г.). После августовского дефолта 1998 г. (от 1998 к 2002 г.). – новый поворот: некоторое восстановление альтруизма и заметное продвижение в сторону инноваций. В 2002-2006 гг. осуществилась необычная направленность вектора: значительно повысились вложения людей в самих себя (повышение «эгоизма»), т.е. и относительно снизилось преобладание альтруизма (с 0,82 до 0,46), но одновременно заметно уменьшилась открытость изменениям (инновационность). Пространство дрейфа значительно расширилось.

Возможны три сценария на ближайшие годы. (1) Продолжение начавшегося движения: больше эгоизма и меньше инноваций. (2) Новый поворот в направлении, аналогичном вектору от 1998 к 2002 г.: больше инноваций и альтруизма. (3) Поворот, аналогичный вектору от 1990 г. к 1994 г.: больше инноваций и эгоизма. Эти сценарии изображены на рис. 3.4 короткими стрелками с соответствующими номерами.

3.4. Макрорегионы в ценностно-мотивационном пространстве России

Ценностно-мотивационное пространство России заметно дифференцировано по ее макрорегионам, под которыми мы понимаем 7 федеральных округов РФ. Согласно экспериментальным, частично репрезентативным данным, эта дифференциация имела в 2006 г. следующий вид (см. рис. 3.5).

Отметим важнейшие ее характеристики. (1) Россия в целом находится в альтруистско-инновационном квадранте (1-АИ): на среднем альтруистском уровне (0,46) и менее выраженном инновационном (0,09). (2) Наиболее близкими к среднероссийским показателям оказались три федеральных округа: Южный, Сибирский и Центральный; при этом в Сибирском и Центральном округах консерватизм превышает инновационность. (3) Население Уральского и Дальневосточного округов уступает другим округам по уровню альтруизма, но в целом и здесь его уровень выше эгоизма. (4) Население Приволжского и Северо-Западного округов оказывается впереди всех по уровню альтруизма, а на Северо-Западе оно значительно опережает остальные округа еще и по инновационности. Словом, наиболее продвинутым в ценностно-мотивационном пространстве России можно считать население Северо-Западного округа, а противоположном полюсе оказывается население географически соседнего Уральского округа.

Оси	Россия	Сев-Зап.	Центр.	Привол.	Южный	Урал	Сибир.	Дал-Вост.
АЭ	0,46	0,66	0,56	0,72	0,49	0,19	0,48	0,26
ИК	0,09	0,44	-0,04	0,10	0,16	0,00	-0,04	0,20

Рис. 3.5. Федеральные округа в ценностно-мотивационном пространстве России

Особенности структуры базовых ценностей населения макрорегионов европейской части России

Вернемся от мотивационных осей ценностного пространства к общей структуре базовых ценностей россиян. Она также по-разному проявляется в различных территориально-культурных сообществах России, прежде всего в ее макрорегионах.

Был проведен иерархический кластерный анализ сходств/различий между федеральными округами по уровню поддержки (согласия/несогласия) всей совокупности ценностных суждений (44 суждения).³⁶ Полученные данные свидетельствуют, что по по

³⁶ Сравнительный статистический анализ выполнен В.П.Горяиновым.

этому критерию ближе всего к среднероссийским данным Центральный, Сибирский, Южный и Приволжский федеральные округа, а Дальне-Восточный, Уральский и Северо-Западный округа существенно дальше от общероссийского «эталона». Это хорошо демонстрирует дендрограмма (рис. 3.6), на которой представлено Евклидово расстояние между федеральными округами и средними данными по всей России.

Рис. 3.6. Дендрограмма иерархического кластерного анализа данных по России и федеральным округам.

Экспериментальный анализ **структуры** базовых ценностей населения федеральных округов европейской части России свидетельствует как об общем их соответствии общероссийской структуре ценностей, так и об особенностях ценностного пространства различных округов (см. табл. 3.5.).

Примем, что позиции тех или иных ценностей округа *соответствуют* общей структуре базовых ценностей населения России, если их ранги совпадают со среднероссийскими или отличаются от них не более чем на один ранг (соответствующие ячейки не окрашены). Если их ранги отличаются от среднероссийских на два и более ранга, то их позиции являются *особенными* в контексте общероссийской структуры ценностей (соответствующие ячейки окрашены светло-серым цветом). В нижней части таблицы указаны количество (и %) ценностей в каждом округе, чьи ранговые позиции соответствуют общероссийским. Название округа, в котором более трети ценностей занимают особенные позиции, окрашено темно-серым цветом.

Табл. 3.5.

**Структура базовых ценностей населения федеральных округов
европейской части России (% поддержки ценностей населением ФО)**

№№	Россия	Южный	Приволжский	Центральный	Северо-Западный
1	Семья 66	Семья 77	Семья 76	Семья 68	Семья 58
2	Порядок 65	Порядок 71	Порядок 68	Порядок 65	Порядок 58
3	Общительность 55	Общительность 57	Общительность 66	Общительность 51	Независимость 45
4	Независимость 51	Независимость 55	Независимость 57	Независимость 48	Жизнь 43
5	Жизнь 49	Свобода 51	Жизнь 54	Традиция 47	Общительность 43
6	Свобода 46	Традиция 51	Свобода 53	Жизнь 47	Нравственность 38
7	Традиция 44	Жизнь 49	Нравственность 52	Нравственность 46	Свобода 37
8	Благополучие 44	Благополучие 47	Благополучие 48	8-9. Благополучие 42	Жертвенность 35
9	Нравственность 43	Нравственность 44	Традиция 45	8-9. Свобода 42	Инициативность 34
10	Инициативность 38	Инициативность 43	Инициативность 40	Инициативность 39	Традиция 33
11	Жертвенность 35	Жертвенность 37	Работа 36	11-12. Работа 37	Работа 30
12	Работа 33	Работа 32	Жертвенность 33	11-12. Жертв-сть 37	Благополучие 29
13	Своевольность 20	Своевольность 23	Властность 20	Своевольность 21	Властность 13
14	Властность 19	Властность 17	Своевольность 16	Властность 18	Своевольность 8
Соответствуют средне-российским рангам		13 (93%)	12 (86%)	11 (79%)	9 (64%)
% от населения России, 2002 г.		15,8%	21,4%	26,2%	9,6%

Из 56 позиций ценностного пространства федеральных округов (4 ФО по 14 ценностей) ранги 45 ценностей соответствуют среднероссийским. Это означает, что структура базового ценностного пространства европейской части России гомогенна более чем на 80%. При этом наблюдается почти 100%-ное соответствие интегрирующего ядра ценностного сознания россиян (терминальные ценности «семья» и «порядок») и его конфликтной периферии (инструментальные ценности «своевольность» и «властность»). Добавим, что, по экспериментальным оценкам, в других трех макрорегионах Российской Федерации (Уральский, Сибирский, Дальневосточный) также наблюдается достаточное соответствие структур базовых ценностей их населения

среднероссийским: из 42 позиций (3 ФО по 14 ценностей) соответствуют ранги 30 ценностей (71%).

Это достаточно *высокий уровень гомогенности* базовых ценностных ориентаций многонационального населения, проживающего на огромной территории современной России. *Он служит духовным основанием сохраняющейся целостности российского общества.*

Вместе с тем, ценностное пространство России как целого *глубоко противоречиво*, поскольку оно представляет собой совмещение традиционных, общечеловеческих и современных ценностей. Нет ни одного ФО, структура базовых ценностей населения которого полностью соответствовала бы среднероссийской или структуре другого ФО. Кроме того, в контексте процессов глобализации следует принимать во внимание *внешние социокультурные влияния*, которые исходят от регионов ближнего и дальнего зарубежья. Словом, в каждом федеральном округе наблюдаются свои особенности, подчас существенные.

Кратко проследим общее и особенное ценностных пространств четырех федеральных округов европейской части России. Будем двигаться от округа с максимальным соответствием ценностного пространства общероссийской его структуре к округам с более выраженными особенностями этого пространства. Опираясь на данные табл.3.5., мы начнем маршрут с Южного ФО; затем двинемся через Поволжье и Центр к Северо-Западу (добавим, что такой маршрут соответствует отмеченной выше тенденции понижения поддержки ценностных суждений в направлении с Юга на Север).

В *Южном округе* (15,8% населения России) структура ценностей максимально близка среднероссийской; лишь ранг либеральной ценности жизни (№ 7) несколько ниже среднего (№ 5), что само по себе симптоматично. Отмеченное соответствие трудно интерпретировать однозначно. Дело в том, что *соответствие* противоречивому ценностному пространству России свидетельствует не столько об однородности этого пространства в Южном округе, сколько о собственной его *противоречивости*: здесь по-своему совершается общероссийский процесс совмещения традиционных и современных ценностей. Эта противоречивость обостряется под влиянием воздействий из-за рубежа (прежде всего, из стран Ближнего Востока, где находятся базы исламского экстремизма), проявляется в социальных напряжениях среди населения Южного ФО, подчас во вспышках кровавых конфликтов. Не случайно именно в этом ФО оказался снижен ранг ценности жизни; здесь больше, чем в других ФО, получило поддержку суждение «Человеческая жизнь – самое ценное, что есть на свете, но бывают обстоятельства, когда человека приходится лишать жизни».

В *Приволжском округе* (21,4 населения России) структура ценностей также близка среднероссийской. Отклоняются от средних значений лишь две ценности: общечеловеческая нравственность имеет более высокий ранг, а традиция – более низкий. Можно сказать, эти ценности отклонились взаимно симметрично, поэтому они во многом взаимно компенсируют свои отклонения. Вместе с тем, эти отклонения в определенной мере подтверждают давние представления о нравственной ауре волжан: «святой и делец одновременно»;³⁷ иными словами: волжане - это высоконравственные и одновременно не жестко связанные традициями, инициативные деловые люди.

В *Центральном округе* (26,2% населения России) ранги почти 80% ценностей соответствуют среднероссийским. Но наблюдаются отклонения трех ценностей: больше поддержки получают традиция и нравственность, а меньше – свобода. Можно констатировать: либерализм жителей Москвы не погашает традиционализма населения остальных субъектов ЦФО. Это свидетельствует о том, что в Центральном округе противоречивость совмещения традиционных и современных ценностей имеет весьма острый характер. Ей соответствует глубокая асимметрия в уровнях производства, доходов и потребления населения Московской агломерации и других регионов Центрального ФО. Можно добавить, что острота противоречий поддерживается традиционализмом значительной части населения соседних с ЦФО регионов Белоруссии и Украины.

В *Северо-Западном округе* наблюдается **существенное отличие** структуры базовых ценностей населения от среднероссийской: ранги 5 базовых ценностей из 14 не соответствуют среднероссийским (см. табл. 3.5.). Здесь меньше поддержки имеют традиция и общечеловеческие благополучие и общительность, но более популярны общечеловеческая нравственность и традиционалистская жертвенность.

Заслуживают внимания и внешние аспекты, которыми отчасти можно объяснить особенности структуры ценностей населения Северо-Западного ФО. Один из них – «северный»: ценности народов северных районов данного округа вносят дополнительную противоречивость в структуру его ценностей. А другой аспект – «западный»: как отмечают исследователи экономики российских макрорегионов, наблюдаются «признаки смещения технологических цепочек, потоков ресурсов и миграции населения на Северо-Западе в сторону «европейской сборки»... В итоге на территории СЗФО формируется мегаеврорегион – совместно с западными партнерами на взаимовыгодных принципах.

³⁷ Сохранение и развитие духовных, исторических и культурных ценностей // Основные приоритеты стратегии развития Поволжья // Стратегии макрорегионов России. Методологические подходы, приоритеты и пути их реализации. Под ред. академика А.Г.Гранберга. М., 2004. С., 390.

Мегаеврорегион в зависимости от политических задач может включать Север Европы, страны побережья Балтийского моря и Северо-Запад РФ».³⁸

Впрочем, пока это лишь наметившаяся тенденция. В целом же, несмотря на значимые отклонения, структура базовых ценностей населения Северо-Западного округа близка ценностям населения трех ранее охарактеризованных федеральных округов. По аналогии с Приволжским ФО можно заключить, что и здесь снижение влияния одних ценностей частично погашается преимуществом других; наблюдаемые отклонения рангов трети ценностей от среднероссийских не столько обособляют, сколько подчеркивают противоречивый характер структуры ценностей населения данного округа.

Следовательно, три округа Европейской части России (Южный, Приволжский, Центральный,) весьма близки друг другу и соответствуют среднероссийской структуре базовых ценностей. Но значительными особенностями обладает Северо-Западный округ. Это требует дополнительных исследований.

3.5. Уровень толерантности в межнациональных отношениях³⁹

Анализ национальных отношений показывает, что в целом по России отношение к приезжим и людям другой национальности традиционно толерантное. Каждый пятый респондент считает отношения с приезжими хорошими. Каждый третий – нормальными, хотя и есть недоразумения. Менее четверти опрошенных считают их напряженными, иногда доходящими до драк.

При этом оценивают межнациональные отношения как напряженные, с драками в большей степени молодые люди до 25 лет; среди горожан – каждый третий опрошенный. В сельской местности 67% оценивают отношения с приезжими как хорошие или нормальные и лишь 10% - как напряженные, с драками.

Наиболее благополучные в этом отношении - Уральский и Сибирский федеральные округа, наиболее проблемные – Северо-Западный, Центральный и Приволжский.

Такие отношения приезжих и коренного населения во многом связаны не с тем, что россияне предвзято относятся к людям другой национальности или религии, а скорее с бытовыми и культурными проблемами, возникающими при массированном наплыве людей с другими традициями и привычками, объединенных между собой семейно-родовыми отношениями, позволяющими им на новом месте жительства диктовать свои условия и жизненные ценности. Эти явления особенно ярко проявляются в небольших поселениях с традиционным укладом жизни.

³⁸ Стратегические приоритеты России в мегарегионе: Северо-Западный федеральный округ, Север Европы и страны бассейна Балтийского моря // Там же, с. 96.

³⁹ Автор данного параграфа – Н.В.Андреев.

Хотя в целом по России приезжих относительно немного – 14%, они распределены неравномерно. Больше всего приезжих в Южном (19%), Северо-Западном (17%), Центральном (16.%) и Сибирском (15%) округах. Меньше всего приезжих на Урале (9%) и в Поволжье (6%).

Таблица 3.6.

Отношения с приезжими по федеральным округам
(в % от числа опрошенных)

Федеральные округа	Устойчивые, хорошие отношения	В целом нормальные, но случаются недоразумения	Отношения неровные, нередко возникает напряжение	Напряженные отношения, нередко происходят драки	Местные и приезжие почти не общаются	Ничего не знаю о взаимоотношениях	Нет ответа
Россия							
Уральский	33	30	14	5	4	2	12
Сибирский	18	43	11	3	4	11	11
Дальневост.	10	49	18	4	5	10	3
Южный	18	32	21	4	8	9	7
Приволжский	24	25	18	8	4	14	6
Центральный	26	22	15	8	8	12	10
Северо-Запад.	12	34	20	7	5	8	14

Подтвердим это данными проведенного исследования. Более половины опрошенных (56%) считают, что для них не важно какой национальности будет начальник, и только треть предпочли бы работать под руководством человека своей национальности. При этом чем выше уровень образования, тем более толерантны люди в этом отношении.

Из тех, кто занимает руководящие посты, 79% считают, что для них не важно, какой национальности будет их начальник. Такого же мнения придерживаются две трети специалистов-профессионалов.

Даже в личных семейных отношениях больше половины респондентов (51%) согласны, чтобы их дети женились или вышли замуж за человека другой национальности, хотя для 16% очень важно, чтобы мужем или женой сына или дочери был человек их национальности. Еще 26% предпочли бы этот вариант брака для своих детей. Чем моложе люди, тем более толерантны они по отношению к межнациональным бракам. Среди людей старше 55 лет 74% ощущают близость с людьми своей национальности.

Для молодежи от 18 до 24 лет близость по национальному признаку значима только для 57% респондентов. При этом именно в Северо-Западном федеральном округе

отмечается самый низкий показатель близости по национальному признаку - 56%, а каждый пятый (21%) такой близости и вовсе не ощущает.

Чем урбанизированнее поселение, тем более размываются национальные связи. И, наоборот, наибольшая близость по национальному признаку отмечается у сельских жителей. Ее ощущают 78% опрошенных в сельской местности.

Вероисповедание, религиозная принадлежность играют еще меньшую роль. Если в Южном, Уральском и Приволжском федеральных округах, где проживает значительное количество мусульман, близость на основе религии ощущают соответственно 62%, 56% и 52% респондентов, то в Дальневосточном округе таких менее трети (31%). Среди людей старше 55 лет близость с людьми своего вероисповедания ощущают 60% респондентов, а среди молодежи от 18 до 34 лет – 41%.

Более двух третей опрошенных (69%) чувствуют себя защищенными от ущемлений из-за своей национальности, 12% - в той или иной степени не защищенными и каждый четвертый не задумывался над этим. Та же ситуация складывается и в сфере религиозных убеждений. Две трети респондентов чувствуют себя защищенными от притеснений из-за их религиозных убеждений и лишь каждый десятый (10%) в той или иной степени не защищенным. При этом ни по национальному, ни по религиозному вопросу не наблюдается сколько-нибудь существенной разницы в ответах в зависимости от пола, возраста, образовательного уровня и места жительства респондентов.

Основную незащищенность люди видят в бедности, преступности, произволе правоохранительных органов и чиновников, от экологической угрозы. Именно на повышение общего уровня жизни и соблюдение законности и должны быть направлены усилия государства, если мы хотим сформировать в России действительно демократическое гражданское общество.

* * *

Таким образом, в массовом сознании постсоветского общества сформировалось динамичное совмещение трех культурно различных типов ценностей – традиционных, общечеловеческих и современных. При этом среди терминальных ценностей преобладают традиционные и общечеловеческие, а среди инструментальных – современные, что порождает конфликтные ситуации. Но в целом постепенно растет влияние современных и общечеловеческих ценностных компонент. Произошла плюрализация ценностных позиций россиян. Наблюдается сложный дрейф ценностей в мотивационном пространстве российского общества. Определенная гомогенность структуры базовых ценностей населения дополняется региональными особенностями, осложняется этнокультурными предрасположенностями «своих» к «чужим». Отсутствует интеллектуальный дискурс,

который бы способствовал формированию консенсуса относительно базовых ценностей, необходимого для движения к «хорошему обществу» в России.

ВЫВОДЫ.

Проблемы становления современных качеств российского общества

1. На современном этапе эволюции российского общества закрепляется **совмещение контрастно разнородных** структур. Многие социетальные процессы приобретают **асимметричный** характер.

Обостряется потребность в становлении современных качеств российского общества как гибкой, сбалансированно развивающейся системы, способной к адекватным ответам на внутренние и внешние вызовы.

Проблема состоит в поиске путей, способов верного ответа на эту потребность. Она носит комплексный характер. Доклад не претендует на ее решение, а дает информацию к их поиску. Ниже предложены лишь некоторые подходы стратегического характера.

2. **Нужны новые экономический курс и социальная политика**, которые бы увеличивали базу роста активных слоев общества за счет развития инновационных производств, расширения сектора услуг, науки и образования.

Актуально пространственное расширение процессов экономического развития, их прихода в средние и малые города, где сегодня, как правило, нет возможностей для реализации профессиональных амбиций молодежи и не только ее, - отток населения из этих городов не прекращается, а сами города все больше архаизируются.

Не менее актуальна необходимость большей материальной защищенности слабых социальных слоев, которые не имеют возможности самостоятельно обеспечить свое материальное благополучие. Государственная политика в этой сфере предельно неэффективна. И не потому, что у государства нет средств, а потому, что не реализуются возможности государства для рационального использования имеющихся.

3. **Необходимо разработать национальный стандарт качества жизни**, который бы не сводился к минимальному прожиточному минимуму. Стандарт качества жизни – это комплекс социально приемлемых параметров существования, дающих человеку возможность достойно существовать в своей стране. Этот комплексный критерий позволит оценивать изменения в стране в целом и в регионах не с позиций трудного выживания, а с позиций нормального существования. А также оценивать работу органов

власти не по достижению ущербного «минимума», а по приближению к национальному стандарту качества жизни.

4. Нужен новый курс во взаимоотношениях между федеральным центром и регионами. Не умаляя полномочий выстроенной вертикали власти, требуется дополнить ее развивающимися взаимоотношениями по горизонтали – между органами власти и гражданскими структурами, внутри регионов (федеральных округов, субъектов федерации, местных властей) и между ними. Властные вертикали и горизонталы - не взаимоисключающие, а взаимодополняющие структуры; именно их взаимодействие обеспечивает гибкость, сбалансированность и устойчивость развития общества как социетальной системы. *Это требует повысить статус регионов* не только как административно-политических единиц, но и как социокультурных сообществ в составе российского макросоциума. Это предполагает повышение ответственности органов управления за сбалансированное осуществление социокультурных функций регионов.

5. Повышение социокультурного статуса регионов и ответственности местных органов власти за его социокультурное развитие **приблизит общество к индивидам**, позволит обнажить общественное содержание действий чиновников во взаимоотношениях с гражданами, будет стимулировать гражданскую активность населения, формирование массовых политических партий, реализацию прав и свобод гражданина. В итоге существенно снизится одна из главных социальных опасностей, которая исходит от чиновников – пренебрежение правами граждан, отношение в них как к подданным.

6. Решение всех этих задач предполагает формирование общероссийского консенсуса относительно небольшого числа базовых ценностей, без которых невозможно «хорошее общество» в России. **Нужен интеллектуальный дискурс о таких базовых ценностях**, которые могут поддержать все социальные слои российского общества, все его политические силы. Сейчас России нужны не столько программы «К барьеру!», сколько программы «К взаимопониманию и согласию!».